

СВЕТЛАНА ДЕНИЗ

Виврут,
СПЛОШНОЕ
НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Миры Элы и Гелы

Светлана Дениз

Вивьен, сплошное недоразумение

«Автор»

2024

Дениз С.

Вивьен, сплошное недоразумение / С. Дениз — «Автор»,
2024 — (Миры Элы и Гелы)

Представители семейства Стейдж отличаются не только своей известной родословной, но и спектром характеров, настолько разных, что Вивьен, внучке Гордона Стейджа, жить совсем непросто, но она так просто не сдастся! Вивьен знает как держать личные границы и умеет постоять за себя. Возвращаясь с самых северных земель после ссылки дедом, Вивьен мечтает заниматься лишь овощами и фруктами, как к ним в дом неожиданно-негаданно приезжает партнер деда. И жизнь вместо ожидаемой спокойной, наполняется бурей душевных страстей. Справится ли с чувствами Вивьен, как привыкла, засучив рукава, заниматься высадкой чефира и обожаемых овощей? Или в этот раз конструктивный подход совершенно не подойдет странно быющемуся сердцу? Или все же подойдет? Ведь Вивьен так привыкла быть рациональной! П.С. Уважаемые читательницы, книгу редактировала еще раз, чтобы вам было спокойно и нравилось читать) С уважением, Светлана Дениз, пишу от души и от сердца!

© Дениз С., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	51
Глава 6	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Светлана Дениз

Вивьен, сплошное недоразумение

Глава 1

Ветер, как обнаглевший хулиган, ударил в покрытые льдом стены, поднял вихрь снега на металлическом козырьке и завыл как оголодавший вульф.

Я поморщилась, натянув на самую голову, пахнущую старой шерстью шкуру убиенного лет сто назад драгена, здорового мохнатого животного, от которого в жилах застывала кровь, но в данный момент, меня мало интересовали обитатели Элы. Больше всего, я боялась окоченеть заживо в этом забытом богами месте, которое местные жители почитали и считали самым лучшим.

Этих восторженных окликов я не понимала. Как можно любить бесконечный трескучий мороз и условия жизни, древние как мир?

Здесь не было и намека на удобства, типа световых и согревающих кристаллов. Местные пользовались по старинке масляными лампами, свечами и теплом камина, совершенно не признавая современные и удобные вещи.

Ничего, осталось совсем чуть-чуть, и я окажусь в своих обожаемых покоях, в южной части дома, где практически весь день, стены согревает добродушный Сувар.

– Проснулась?

Распахнув дверь с такой силой, что та ударилась об стену, в стылую комнату, в которой давно затих огонь, смирившись с невозможностью сопротивляться вечной мерзлоте, ворвалась Гликерия – супруга моего троюродного дядьки Дедвика.

Женщиной она была крепкой, как и все представительницы земель Ванн и совершенно не боялась холода. С утра до ночи она предпочитала легкие платья изо льна, а если становилось совсем невмоготу, то переодевалась в колючую шерсть.

– Умывайся, пока священная вода не остыла. Знаешь же, какие у нее лечебные свойства.

Гликерия поставила таз на небольшой табурет.

– Ну и натопила ты, – добавила она, пока я жалась под шкурой от холодрыги.

– Свойства ваших вод на меня не действуют, тетушка, – я выползла из своего убежища, на скорую руку надевая теплый халат, успевший замерзнуть за ночь, – вы пытаетесь, поите меня элем. Этот напиток не способствует омоложению. Я чахну здесь.

Гликерия звучно усмехнулась и покрутила головой в разные стороны.

– Не говори ерунды, зануда, – женщина оперлась крепкими руками в бока и дунув на выбившуюся прядь темно-синих волос, глянула на меня как на тщедушную. – Вставай, надо помочь натаскать воды. Не все же, валяться и сидеть за книгами.

– Завтра меня уже здесь не будет, – прищурившись, я резко вскочила с ложа, которое было сложно назвать кроватью. На какие-то деревянные доски водрузили скомканный местами матрас и укрыли шкурой, создав видимость удобства. Видимость эта была обманчива, как и тепло в стенах этой комнаты. Колючую мерзлоту отсюда было не изгнать, даже если поставить дюжину каминов!

– Жаль, а то я к тебе уже привыкла, – изображая печаль, высказалась Гликерия, продолжая стоять все в той же позе, пока я пыталась смахнуть с себя дрему и холод, умываясь в кипятке. От воды исходил пар, но я знала, еще пара минут и она остынет, как и все в этом доме.

– Ваши сыновья вам в помощь.

Я утерлась тряпицей, мигом вспомнив отпрысков Дедвика и Гликерии. Сыновья были здоровенными детинами. В физическом труде мастера, но в плане интеллектуальном и пары слов не могли связать, посему, наше общение с ними складывалось из нескольких фраз.

– В доме нужны еще одни женские руки. Мне жаль, что твое пребывание заканчивается. Гордон требует твоего возвращения.

– Наконец-то, у деда проснулась совесть. Одумался! – буркнула я, мигом вспомнив, почему меня отправили в этот край мерзлоты, в земли Ванн.

История моего позора, как выразался высокопарно глава семьи Гордон Суревер Стейдж, мой дед, произошла два месяца назад, в момент, когда Аквийские земли (кроме, конечно, Ванн), Сувар насыщал теплом и бесконечным летом.

Я влюбилась. И не знала, что за это наказывают так бессердечно!

А позорно это оказалось потому, что я призналась несколько раз в своих чувствах светловолосому Винсенту Тоталу. Скажем так, я проявила настойчивость и упорство, являющиеся моими лидерскими качествами, но Винсент не оценил, сдержанно высказался, что ничего не чувствует ко мне, даже самую малость, а потом я узнала, что вся история получила огласку и весь Аквалон был осведомлен, как безрассудно повела себя дурнушка Вивьен Эстер Стейдж.

После жадной на реплики дискуссии было решено изгнать меня с нагретого местечка, совместить приятное с полезным – замять скандал и прочистить мне мозги вьюгами земель Ванн.

Между прочим, Винсента я не забыла. Даже несмотря на его язык без костей и отказ быть со мной, я продолжала в своей душе согреваться надеждами, что все может измениться.

Вдруг волшебные воды озера Эа, действительно изменили меня в лучшую сторону?

– Господин Гордон все сделал правильно, – поддакнула Гликерия, – руками нам подсобил, и ты стала более спокойная.

– Конечно, на таком-то холоде, – брякнула я, натягивая колючие чулки, от которых страшно чесались ноги, – берегаю тепло в организме, чтобы не окочуриться, посему молчу, тетушка.

Женщина вздохнула и покачала головой.

– Ладно, что я тут с тобой спорю? Дедвик попросил отварить мясистые куски каюна, да пожирнее. Да, накорми ирбисов!

Я промолчала, спровадив Гликерию уничтожающим взглядом.

Стоило вспомнить здоровенные куски мяса представителя гор, как мне стало дурно.

В этих землях его просто обожали. Мясо согревало, было маслянистым и жирным. Конечно, я не прочь была, хоть иногда, испытывать согревающее тепло внутренностей, но предпочитала овощную бурду, а не сочащиеся салом шматы, от которых передергивало.

Смирившись с тем, что в обедню я снова буду голодна, но воодушевленная скорым отбытием из этого богами забытого места, я шустро одевалась, не забывая почесывать ноги от колючей шерсти. Две исподние байковые рубахи, махеровое серое платье и платок из ангоры, я накинула на ватный тулуп, размера на три больше, а потом глянув на себя в старое зеркало, потрескавшееся в углах, вздохнула, взглядываясь в отражение.

Я никогда не считала внешний вид чем-то главным. Мне не интересны были модные фасоны платьев, украшения и изысканные прически.

Наверно, я задумалась о себе, только когда получила отворот поворот от Винсента.

Когда боги раздавали внешность, возможно, они обошли меня стороной, как и всех представителей рода, где я умудрилась родиться.

Кроме тетки Андромеды, дочери деда Гордона, славившейся смазливой красотой и выразительными чертами лица.

Женщиной можно было залюбоваться, но только на первый взгляд. Буквально через несколько минут, просачивалась хитрость, заносчивость и к всеобщему удивлению нашей

семьи, распутство. В последнем она была хороша и пугала даже меня, непуганую ничем. Если только страхом очокуриться от холода в землях Ванн.

Всмотревшись же в отражение, я пристально разглядела простодушное лицо в виде сердечка, бледноватую кожу, щедро сдобренную конопатинами, которые активно виднелись в летние месяцы, блеклые светлые волосы, с еле заметным бледным оттенком голубого, но вишне на торте, было другое – разные по цвету глаза. Один голубой, другой туманно-серый. Словно у богов в коробках по раздаче внешности, оказались остатки, и они решили одарить меня необычностью, наплевав на женскую привлекательность, зато приправив ненужной индивидуальностью.

Ростом я тоже не вышла и в свои двадцать лет, казалась юнее, чем было на самом деле.

Вздыхнув, я вошла в стылый коридор, подсвеченный масляными лампами и потеряв ладони друг об друга, направилась к стряпчим, дабы перекусить.

Поела быстро, пихнув в рот пару сваренных вкрутую яиц, хлеб с наполовину замороженным маслом и кипяток, сдобренный несколькими каплями согревающего эля.

Эль здесь являлся таким же ходовым напитком, как в других землях Аквии, вайни, кава или взвар из ягод и плодовых. Ваннийцы от него пьянели, только в том случае, если вливали в себя несколько литров. Мне хватило стакана, чтобы превратиться в свинско и забыть свое имя. Местные обсмеяли меня, посчитав невменяемое состояние очень забавным.

Я не была мстительной натурой, но не удержала свой, порой заносчивый и настырный нрав от пакости, облила двери домов умников холодной водой, после чего замки замерзли. Пришлось немного попотеть, чтобы выбраться.

Ваннийцам было к этому не привыкать. Они обожали прилагать физические усилия, охотиться и мериться силой на различных турнирах, которые здесь проводились каждую седмицу. Драки с оголенными торсами, перетягивание каната, катание с горы на санях и охота на диких вепрей, была их страстным развлечением.

Тяжело вздохнув, будто собираясь участвовать в физической расправе, я нырнула за дверь. Порыв ветра был такой силы и колючести, что моментально припечатал меня по лицу хлесткой пощечиной. Сделав с усилием вдох в платок из ангоры, я поплотнее подтянула капюшон и что есть сил бросилась за ведрами, стараясь не растерять остатки тепла внутри вмиг содрогнувшегося тела.

Благо мне повезло.

День выдался ясным. Сувар, словно насмеялся. Касался задубевшего лица бесчувственными лучами, слепил глаза и создавал иллюзию тепла, коего здесь не видели тысячелетиями.

У озера Эа, священного, между прочим, уже толкался народец у прорубей, набирая воду для готовки и мытья. Пришлось потоптаться на месте, подпрыгивая на левую ногу, в ожидании своей очереди.

Несмотря на мерзлоту, бесконечно снежные равнины, куски сине-голубого льда и хмурые горы, ваннийцы, были народом веселым, что нельзя было сказать обо мне, явной представительнице более теплых мест. Здесь я чахла, и если дед хотел избавиться от меня, он делал правильно.

– Замерзла?

За моей спиной раздался голос, от которого меня передёрнуло. Подавив вдох сожаления, что в очередное жадное на радости утро, мое настроение подвергнется встряске еще большими недовольствами, я повернулась, тут же столкнувшись с щербатым ртом Гхона, местного ловеласа, считающего себя неотразимым. Конечно, он мог считать все что хотел, но я, в отличие от ваннийек, не видела и капли красы в лице, изъеденном бороздами, переломанном в прошлом носу и маленькими бесцветными глазами. Молодой человек, не был героем моего романа, но теплил в душе надежду, что я могла стать его судьбой и навсегда осесть в этом негостеприимном крае.

Мечтать он мог что угодно, пока я в душе тешила надежды о Винсенте.

– И вам доброго утра, Гхон. Решили осветить рассвет своим мужественным ликом?

Парень зарделся от комплимента, показавшимся ему искренним. На моем лице застыло что-то напоподобие улыбки и никак не хотело менять свое выражение, по причине замерзания кожи.

– Знал, что ты пошла за водой и решил присоединиться.

Прищурившись, я сделал шаг вперед, мечтая, чтобы быстрее подошел мой черед. Мне дико не нравилось панибратство и фривольности в общении. Обычно в Аквии, переходили на сближение, только после обмена брачными чашами. Здесь же, плевали на все эти пересуды, вдолбленные в доме благородного воспитания, в котором я провела дюжину лет, впитывая как губка учения, труды и правила. Честно говоря, училась я средне, больше витала в облаках и усвоила материал поверхностно, кроме некоторых правил по манерам, которые вбивались с таким усилием, что впечатывались в память как отметины.

– Не хочешь прогуляться вечером?

От предложения я вздрогнула. Вечерами, когда температура опускалась до абсолютно не щадящих показателей, на улицу мог выйти камикадзе, либо самоубивец.

– Нет, я буду занята, – проговорила я, не разжимая губ, дабы не впускать ледяной воздух.

– В питейной «Логово зверя», нам будет тепло, – весьма двусмысленно подмигнул Гхон, а я содрогнулась от отвращения, вмиг представив это свидание, с пропахшим элем парнем и вонючими мужиками, от которых будет разить потом и накидками из шкур. – Столик в углу, камин и сытный кусок мяса.

– Заманчиво, но воздержусь. На завтра у меня запланирована выделка шкуры, – ляпнула я первое, что пришло в голову. Говорить о том, что я покидаю эти земли без зазрения совести, не стала, по причине какой-нибудь пакости от Гхона.

– Не знал, что ты такая рукодельная, Вив.

Этот парень терял балы к моему завоеванию, очень стремительно. Укороченным именем меня могли называть только самые близкие, но никак не он.

– Да, – кивнула я, – потом, у нас разделка туши каюна. Гликерия очень хочет унять мое любопытство, показать, где находится спинно-поясничная часть у животного и тонкий край.

– Я могу помочь.

– Не утруждайся, – махнула я заледенелой рукой и бросилась к проруби, плюя на безопасность. Черпнула воды, чуть не клюнув носом в воду, от которой поднялся еле заметный пар и быстро набрав два ведра, поплелась как гусыня к дому дядюшки.

– И все же, – не отставал Гхон, – если вдруг передумаешь, я буду в питейной сегодня после семи. С надеждой буду ждать.

– Надежде надо дать отдохнуть, прощай Гхон.

Проскрипев по снегу, я вышла на малолюдную улицу, припуская как можно быстрее и стараясь не расплескать драгоценную жидкость. Этот бестолковый каюн, даже не предложил мне помочь донести тяжелую поклажу, зато набивался на вечерочек вдвоем.

Идиот!

Этот разговор меня еще больше разозлил. Я влетела в ворота дома дядюшки Дедвика с выпученными от гнева и холода глазами.

– Эй, Герон, – гаркнула я старшему сыну Гликерии, который прохлаждался у загона с ваками и ковырял в носу, – быстро возьми у меня ведра! Что стоишь, дуралей?

Я не стала изысканно выражаться, потому что это отношение к женскому полу в землях Ванн, меня порядком коробило. Здесь считалась нормой тяжелая работа у женщин. Они воспринимались как равные мужчинам и делали точно такую же работу, как и обнаглевший мужской пол. Поэтому вид скупающего Герона, стал последней каплей.

Парень вяло ухмыльнулся и нехотя, подошел ко мне.

– Так, значит, уезжаешь, – проговорил он, а я удивилась, что этот недоросток смог сложить три слова в предложение.

– Не говори, что будешь скучать.

– От тебя толку ноль.

Я взглянула на красное лицо подростка, вдруг ощутив желание его ударить по щеке, чтобы не повадно было умничать, но сжала кулак.

– Могу сказать о тебе тоже самое. Хотя нет, – я прищурилась, накладывая в огромный таз корм для ирбисов, – ты умело ковыряешь в носу.

Герон покраснел, напрягая извилины, чем бы ответить на выпад, но я уже направилась в сторону подвала, где держали хищных представителей земель Ванн. Они походили на хищных кеди с морозно-северным окрасом. Глаза, словно синие сапфиры, всегда замирали как перед прыжком, стоило кому-то зайти в место, где их содержали.

Этим местом был подвал с кривыми, надломанными местами ступенями, где лестницу тускло освещали керосиновые лампы.

Когда я спускалась сюда первый раз, я думала, что дядюшка Дедвик, по наставлению моего деда, решил от меня избавиться.

На скользких ступенях можно было спокойно сломать шею, если неправильно поставить ногу, а в темноте, почувствовать самые жуткие страхи.

Благо животные содержались в клетке, но стоило начать подходить к ним ближе, начинали шипеть.

Дедвик долго смеялся над моим смятением и страхом, называя пугливой. В чем была ирония, я так и не поняла, решив, что дядька не в своем уме, в принципе, как и все представители семейства Стейдж.

Потом я наловчилась и уже не так боялась спускаться в темное логово зверей.

– Ну, доброго вам дня, – буркнула я, открывая щеколду и засовывая в специальное отделение плошку с кормом. Ирбисы тут же жадно набросились на еду, отталкивая друг друга и протяжно рыча. Пока они ели, я задумалась над тем, что в услужении были работники, кто чистил клетку, и это важное действие не доставалось мне.

Я любила животных, но не до такой степени, когда нахождение с ними могло быть опасным.

Подождав когда трапеза закончится, я осторожно вытянула таз и поторопилась убраться наверх, чувствуя себя в этом месте неуверенно. Казалось, что отовсюду доносится скрежет мушей, а в темном углу притаилось привидение в жуткой, проеденной мульей вуали.

Я надеялась, что мои дела на сегодня закончены, но Гликерия решила напоследок заставить меня делать все что только можно, например, помогать стряпчей перебирать горох.

Время за этим монотонным действием, казалось, встало и я даже пару раз клюнула носом, слушая рассказы женщины, занимающейся варкой каюна. Она рассказала мне всю жизнь, вплоть писать мемуары и в какой-то миг я пришла к мысли, что знаю почти всех ее родственников.

Наконец, наступило время обеда. Порадоваться трапезе мне не дали блюда – вонявший на весь дом старый зарубленный каюн, салат из редьки с морковью, бульон на костях с клубнями видавшего виды картофеля и тощие тушки сельдии, такой же костлявой, как и я, на таком скудном рационе питания.

Идя в трапезный зал, где скрипели деревянные полы, даже просто от дуновения ветра, я мечтала насладиться сладостями в любимой кондитерской Аквалона. Воспоминания о сладких ежевичных эклерах, корзиночках, канноли и безе, заставляли мой живот заходиться в мучительных судорогах.

А как я мечтала предаться спокойному чтению любимых книг!

Наверно, вышло столько интересных новинок, в которые можно было сладострастно погрузиться в свободное время.

Я откинула мучительные мысли о возвращении, стоило мне зайти в трапезный зал, где дядюшка Дедвик, чуть ли не пускал слюну, уловив аромат вареного в специях мяса.

Благо здесь хорошо натопили, не пожалев дров. Я даже скинула тулуп, но осталась в платье и двух байковых рубашках, похожая на кочан капусты.

– Завтра уезжаешь? – поправив синий ус, улыбнулся Дедвик, крепкий, худосочный мужчина, с бойкими кудрями волос, торчащими в разные стороны.

– Соскучилась по дому, дядюшка. Сил нет, как трепетно рвется сердце к дедуле, – разлюбезно произнесла я, снова оглядев убранство того, чем можно отобедать. Хлеб мог задушить голод на корню, что порадовало. Салат из редьки скрутить живот, а в дорогу это было опасно, а мясо? Не была я любителем мертвых тушек, больше предпочитая все что связано с овощами.

– Передай ему мой низкий поклон. Рад, что ты была тут и надеюсь, тебе понравилось.

Мне стоило больших, почти нечеловеческих усилий, выдавить из себя улыбку, больше похожую на перекося челюсти.

– Не то слово. Я обескуражена гостеприимством этих благодушных на снега земель.

Дедвик раскатисто рассмеялся. Ваннийцы любили громко проявлять свои эмоции, какими бы они не были, радость, грусть или гнев. Сначала, я дергалась от ярких выпадов, но потом привыкла. По крайней мере, здесь плевать хотели на вычурность и изысканные манеры.

Немногочисленная семья, в лице дядьки, Гликерии и двух сыновей, повела носами, стоило внести тарелки с главным блюдом.

Я вздохнула и, отведя взгляд, тут же столкнулась с чучелом вепара, голова которого безжизненно паялилась на меня. мех местами был потертым, а на самой макушке лежал неслабый шмат пыли. Рядом висело большое полотно бога Оуруса, с торчащим вперед мечом и грозным видом. Поежившись, я встрепенулась, стоило прислужнице поставить передо мной мой обед.

Здоровенный, обтекаемый жиром шмат, где с краю виднелся постный кусочек.

Хлебом сыт не будешь, посему я взяла нож и аккуратно отрезала филейную часть, пока остальные вгрызались в жир зубами. Выглядело это дико. Будто по случаю какого-то праздника, случился бал у людоедов.

– Поутру, до Вандея тебя отвезет Дурон. Он уже начал готовить сани, смазывает маслом.

Чтобы не сказать грубость, пришлось закусить язык. Дуроном являлся не играющий мышцами верзила, готовый подстегивать кровожадного драгена по спине, а обычный чахлый старик. Глухонемой в придачу. И что-то подсказывало мне, ехать нам придется долго и молчаливо.

– Нет ли, кого-то более резвого, дядюшка? Боюсь, что с вашим Дуроном я опоздаю на дирижабль.

Дедвик поправил ус, стирая капающий жир в тарелку. Я сглотнула клейкий комок хлеба, упавший тяжелым грузом в живот, и почувствовала подступившую тошноту. Аппетит пропал полностью.

– Мерзлые земли, суровы, – начал проповедь мужчина. Гликерия кивнула со знанием дела. – Если захотят, отпустят тебя без сучка и задоринки. Хочешь пройти путь легко, искупайся в озере Эа, очистишься от скверны.

Я посмотрела на Дедвика как на ненормального, утерев вмиг маску благородства.

– Мне кажется, дядюшка, вы хотите оставить меня здесь навечно. Я, пожалуй, воздержусь от предложения и с радостью отбуду с Дуроном на санях.

Левый глаз мужчины дернулся. Все, чуть ли не с открытыми ртами наблюдали, что он скажет дальше, пока Дедвик засовывал себе в рот здоровенную ложку редьки, приправленной маслом.

– Подумай, это может пойти на пользу.

– Согласен с отцом, – поддакнул Герон, – я окунался. Стал другим. Словно дух во мне ожил.

Я покосилась на чадо дядьки.

Если после окунания стану такой же тупоголовой, то лучше однозначно воздержаться!

– Удивительно, – умиление на моем лице, граничило с помешательством, – от тебя исходит свет Герон. Святые угодники!

– Хватит прикалываться над ним, – неожиданно в защиту выступил его младший, но более бойкий брат, Дхар. Темные, почти черные глаза, смотрели на меня ожесточенно. Впору, достанет нож и кинет в меня. Я усмехнулась. Знала, что его это раздражает и бесит.

– Не ссорьтесь, – примирительный тон Гликерии, заставил нас заткнуться. Все устали в тарелки, и трапеза наполнилась лишь чавканьем и жадными глотками.

Немного позднее, после нескольких часов эксплуатации моих физических усилий, в которое включили таскание дров по залам, мытье тарелей в нагретой воде и натирания пола воском в холле, я злая и готовая изрыгать гнев, наконец, направилась в комнату, плотно заперев дверь, чтобы ни один наглый сквозняк не смог пробраться в натопленное помещение.

Дров я себе натаскала, больше, чем кому-либо, дабы прогреть кости так, чтобы завтра не замерзнуть заживо с медлительным Дуроном.

Уставшая от длинного дня, я вытащила к двери дорожный сундук, тяжелый и неповоротливый как склеп. Он не был шибко большим, но я надеялась, что прибуду в Ванн и буду зачитывать до дыр старые книги, а также фолианты по плодородию, но вместо этого меня стали эксплуатировать как последнюю прислужницу. Явно дед постарался, науськал дядьку, чтобы тот спускал с меня три шкуры и выбивал дурь, в виде Винсента.

Чувствуя задатки сгущающегося гнева, готового вырваться наружу, я неряшливо и совершенно не по-господски, стала закидывать в сундук немногочисленные вещи, в виде нескольких платьев, которые ни разу не надела, исподних рубаш и чулок и когда хлопнула громко крышкой, стерла испарину с мыслями, что скоро окажусь в родных стенах и буду нежиться в купели столько, сколько захочу.

Ночью спала плохо. Сон не шел, перемешивался с волнением из-за начавшегося сильного ветра, обещающего предстоящую вьюгу.

Но под утро, наконец, все стихло, и я даже смогла ненадолго уснуть, пока не оказалась разбужена женой дядьки.

Она доложила, что Дурон почти все подготовил и готов трогаться в путь, после завтрака, дабы успеть до надвигающейся пурги.

Мысли про пургу пугали, но я надеялась, что возчик не лишен остатков разума и сделает все возможное, чтобы мы успели доехать до земель Ванд до непогоды.

Наевшись яиц до упора, я была остановлена родственниками, для минуты прощания. Все эмоционально обнялись и вышли во двор, где я тут же узрела хиленькие сани, покрытые парой шкур для тепла и запряженные драгеном, самым опасным хищником этих мест.

Многих отлавливали еще в младенчестве, натаскивали уважать людей и относиться к ним как к главным. Драгену, которого запрягли в сани, с виду было много лет. Очень много.

Когда меня привезли сюда, то условия были более сносными. Широкие сани с наточенными полозьями, шустрый молодой драген и накидка для тепла, но в этот счастливый для меня день прощания, все было иначе.

Все складывалось так, чтобы я не смогла добраться быстро и спокойно.

Драген кашлянул, хрипло зарывав и тяжело вздохнул, явно недовольный длительным путешествием.

Дурон, в меховой шапке и здоровенных унтах, доходящих до бедер, посмотрел на меня, так же как драген. Желания ехать, на лице не проявлялось.

Наконец, мой сундук привязали позади и еще раз обнявшись, я уселась, укрывшись шкурой, молчаливо кивнув вознице.

При хорошем погодном раскладе, настроении и резвости драгена, мой пусть составил бы около семи, восьми часов. К вечеру я должна была оказаться в Вандее, столице земель Ванд, сесть в экипаж и успеть на вечерний дирижабль.

Зажав пальцы на руках, я стрельнула глазами в небо, посылая просьбу к богам, окропленную надеждой. К властителям миров я обычно не обращалась, посему и не шибко верила, что они обратят на меня внимание.

Заселенные земли Ванн остались позади, стоило проехать две крутые горки, на которые драген забрался резво. Казалось, животное, почувствовав ритм, ощутило прилив сил и одухотворенно бежало посреди льдов и скалистых снежных навесов.

В лицо бил колкий воздух, сдобренный срывающимися снежинками. Светлое небо, закрытое покрывалом тугих облаков, сменилось синевой, клубящейся на горизонте, стоило нам обогнуть выступ скалы.

Мое оледенелое лицо, бессильно замершее в одном выражении от холода, застыло от нехороших предчувствий. Драген же, как по мановению волшебства, решил сбавить темп в несколько раз и громко задышав, как в предсмертных конвульсиях, стал переходить на шаг. Казалось, Дурона это вообще не смутило.

Я хотела попросить возницу, чтобы он подогнал строптивное животное, но неожиданно вспомнила, что он глухой.

Нетерпеливо ерзая в санях под шкурой, я чувствовала разрастающийся во мне гнев. Не хватало еще попасть в снежный ад, заблудиться или вернуться назад.

Может быть, нужно было искупаться в священном озере, дабы все невзгоды отступили от меня, а священные земли выпустили из своих суровых объятий?

Через некоторое время, наполненное страстным ожиданием, морозом, от которого коченело все тело, и страшным ожиданием бурана, зверь решил прибавить ход. Видно, отдохнул и набравшись новых сил, резво побежал параллельно сизым тучам.

Мы спустились несколько горок вниз, проехали мимо ущелья, от которого мое сердце чуть не выскочило из груди и наконец, выехали на ровную дорогу. Я позволила себе успокоиться и больше не припечатывала затылок Дурона своими страшными предчувствиями. Возница, настроенный на свой спокойный и неспешный лад, пару раз взглянул на нависающие над нами тучи и кашлянул как не в себя.

Глухая тишина пугала, как и полностью безлюдный мир снегов. Вдали кто-то завыл, похожий на вульфу и я сразу же напряглась, предчувствуя нехорошее.

Если звери начинали выть, значит, предвидели какие-нибудь природные гадости и стоило мне об этом подумать, как в считанные минуты началась метель. Я натянула на лицо капюшон, скрывая кожу от колкого снега, и начала замерзать. События начинали пугать своим неизбежным погодным коллапсом.

Дурон, казалось, был спокоен. Конечно, он не слышал этих завываний зверей и стонов пурги, превращающихся в рев.

Моментально меня посетила нездоровая мысль, что во всей этой какофонии ужаса мы сгинем. Драген, будто считав мои мысли, резко затормозил и встал, чем привел меня в полное замешательство.

Пурга усиливалась. Снег валил как ненормальный, закручиваясь в воронки. Животное заревело и уперлось, не желая двигаться.

Я вылезла с саней, ухнула в теплых унтах в сугроб, провалившись по щиколотку и подбежав к вознице, затрясла Дурона за плечо. Он вздохнул, будто ничего не происходило и покачал головой.

– Да вы из ума, что ли все выжили? – рывкнула я, срываясь на крик, который тут же поглотил гул непогоды, – мы здесь сгинем. Давай, сделай что-нибудь, чтобы мы смогли поехать вперед.

Дурон, казалось, понял мои причитания и промычал что-то нечленораздельное, пытаюсь объяснить мне, что нам нужно переждать некоторое время, пока драген не решит двигаться дальше. Мол, он знает лучше. Надо подождать, а потом идти.

Из глаз брызнули слезы, то ли от ветра, то ли от досады. Все внутри меня замерзло.

За что мне дали в путь этих попутчиков? В чем же я провинилась?

Причитать было некогда. Я даже проявила бесстрашие и подлезла к животному, посмотревшему на меня из-под засыпанных бровных дуг как на мелкую вошь, мешающему ему переждать непогоду.

– Давай, пора двигаться, бес тебя дери!

Все было бесполезным. Дурон накинул на себя шкуру и устало улыбнувшись мне, прикрыл глаза, будто смирился с кончиной.

Это было ужасно!

Понимая, что ничего не добьюсь, только израсходую силы, я кое-как взобралась в сани, ударившись коленом, и укрылась шкурой, чувствуя, как ноет нога.

Время будто играло злую шутку, такую же, как и пурга. Ничего не хотело двигаться. Дрожа от холода, как лист на ветру, я уже практически смирилась с быстрой кончиной, как ощутила шевеление. Я сначала подумала, что сознание со мной решило сыграть злую шутку, но нет, мы действительно ехали.

Снег перестал валить как ненормальный, уйдя на запад. Дурон спокойно шлепнул вожжами зверя, который, минуя сугробы своими огромными лапами, увеличил темп.

Начинало смеркаться. В мерзлых землях это было нормальным явлением. Сувар прятался как ненормальный после четырех часов дня, дабы покинуть эти места как можно быстрее.

Я даже помыслить боялась, что драген решит снова передохнуть, переждать пургу или прилечь поспать. С таким темпом я точно не доберусь до обожаемого деда, отправившего меня на погибель.

В полной темноте, спустя тройку часов, показавшейся вечностью, мы добрались до пограничья между землями.

Ветер стих, но было очень влажно, и от этого казалось, что еще холоднее.

Дурон махнув мне рукой, распрощался, отправившись в сторожку для ночевки, пока я как ненормальная искала возницу, готового отвезти меня в Вандей.

Такой нашелся, но за увеличенную плату, потому что был поздний час.

Мне было все равно, я оплатила нужное количество лари и привязав сундук к экипажу, скрипящему рессорами, на негнущихся замерзших ногах залезла внутрь.

Спасибо умудренному опытом вознице, он положил внутрь пару горячих кирпичей, чтобы я смогла обогреться.

Жаль, не тепловых кристаллов, но и на том спасибо!

Я дрожала, не в силах унять холод, сковавший меня колкими иглами, и устало потерев лицо, облокотилась на спинку, прикрыла глаза, представляя как высказываю все недовольство господину Гордону, отправившему меня на смерть. Дед был невозмутимым до корней своих густых голубых волос, в которых серебрилась местами седина.

Хорошо же, отнеслись к главной и, по сути, единственной наследнице.

Андромеда, его дочь, у которой была два малолетних отпрыска, были не в счет. Гордон никогда не брал их в серьез, считая, что его распутное чадо, родила на свет созданий, явно нагулянных на стороне, а не от супруга. Один был темноволосым, а другая рыжей. Андромеда уверяла, что ее младшая дочь – копия Ады, представительницы рода в пятом поколении. Та

была похожа на осеннюю листву. По крайней мере, такой образ изображал выцветший от времени портрет.

Спустя пару часов, то ли дремы, то ли забытья, я наконец, оказалась в Вандее, где мне снова пришлось встретиться с не самыми ласковыми условиями.

Лил дождь. Я прибыла поздно, посему, ни на какой дирижабль уже не успела. Да и не была уверена, что в грозу что-то полетит. Только если какой-нибудь ненормальный капитан.

Попросив возницу довести меня до приличного постоялого двора, я уже думала лишь о том, чтобы лечь в постель.

Тело ломило, и хотелось просто покоя, но не тут-то было!

Стоило дилижансу остановиться и мне выйти в проливной дождь, как меня тут же окатил другой, пронесшийся как ненормальный экипаж.

Я просто закрыла глаза, смахивая с щек грязь. Мое терпение было на исходе.

Глава 2

Старающиеся не смотреть на меня носильщики внесли мой мокрый сундук внутрь уютного небольшого холла, в котором я уловила ароматы остатков еды и сделав самый непринужденный вид, подошла к стойке, где на меня воззрилась женщина с темными как пуговицы глазами.

– Мне нужна комната, вечер добрый.

Смахнув грязную прядь волос с лица, я аккуратно положила на стойку окоченевшие кисти рук.

– И ужин, и помыться, – добавила вдогонку, пока женщина рассматривала меня как недоразумение, свалившиеся на ее плечи. Это она еще не видела, как я натоптала грязными ногами и с плаща налилась лужа. Кстати, тулуп и унты пришлось отдать Дурону, так как эта была собственность дядьки и с такими важными вещами он не пожелал расстаться, а я хоть и окоченела, но отдала, так как не совсем желала оставлять эти вещи на память.

Больше никогда я не попрусь в этот ад, лучше сгину где-нибудь!

– Есть одна, маленькая.

– Мне без разницы размер, леди. Мне переждать ночь, и я двинусь в путь.

– Сто лари.

Хозяйка улыбнулась так нежно, будто растеклась патокой.

– Сколько? – мое возмущение граничило с помешательством. Они что, с ума здесь посходили или мое отсутствие привело к каким-то изменениям, про которые я ничего не знала?

– Так ведь бюджетный дефицит, – пожалала женщина плечами.

– С чего ему вдруг взяться? С королем Агларом, наоборот, все цветет и пахнет.

Я вздохнула, так как хозяйка как воды в рот набрала. Надулась.

Не став пререкаться, я сунула ей деньги и застыла, ожидая ключ.

– Отдельно ужин и вода, чтобы помыться. Еще пятьдесят лари.

Дрожа от гнева, усталости и наглости, я отсыпала даме нужную сумму.

Взметнув полами бархатного наряда, выглядевшего нарядно, но потертого от времени, женщина поднялась и с осанкой, которой можно было позавидовать, направилась к лестнице.

Я поторопилась следом, а за ней носильщики моего сундука, который никак не хотел заходить в узкую арку, но все же прошел.

Мы шли по длинному коридору, стены которого украшали шелковые обои в мелкий василек, пока не уперлись в дверь.

– Как я уже сказала, комната маленькая и простая. До вас хорошие покои занял господин. Вот там и правда уютно и воздуха много.

Я ступила на потертый до дыр ковер, бегло оглядев ночное пристанище.

Язык не поворачивался назвать его убогим.

– Белье застелили чистое. Сейчас принесут трапезу. Чем желаете угоститься? Горячий сбитень с пряностями? Кава? Взвар?

– Первое.

Я скинула на скособоченный стул плащ и отступила в сторону, так как носильщики протасили мой сундук и полностью перекрыли вход.

Теперь мне приходилось перешагивать, чтобы открыть дверь или сходить в отхожее место. Ну, или как крайний вариант перекачываться через узкую кровать, украшенную покрывалом из голубого люрекса.

– Меня зовут Бруклия. Я к вашим услугам.

Хозяйка удалилась, оставив меня в комнате похожей на подсобку, освещенную кристаллами скудного голубого цвета.

За окном громыхнуло. Молния разрезала небо, вспышкой напугав до чертиков.

Усевшись на жесткий матрас, я ошалело смотрела на темно-синие стены, в ожидании еды и воды.

Воду принесли быстро и залили в купель, оказавшуюся маленькой и неудобной. В купели можно было сидеть скрючившейся в несколько раз.

Бруклия выдала мне несколько согревающих кристаллов и, оставив трапезу под крышкой, удалилась.

Сбитень оказался сносным, главное горячим, моментально обогрев внутренности. Пряные нотки специй, дали чувство успокоения, как и неплохая еда. Отварной, а потом обжаренный картофель, куриный рулет под грибной подливой, я слопала в один миг. Даже убранство убогих покоев, стало выглядеть вполне себе сносным. Я была в тепле, накормленная и не в землях вечной мерзлоты.

Искупавшись в горячей воде, я провалилась в сон, накрывшись всем чем только можно и кристалл под ноги положила для согрева. Усталость меня сморила моментально, что я не заметила, как наступило утро.

Испытывая недосып и плохое настроение, я торопилась продолжить дорогу до дома.

Дирижабль должен был отправляться в полдень, и я планировала на него успеть. Перекусив принесенным омлетом и кофеем, я оставила свое временное пристанище, чувствуя воодушевление от мысли, что скоро окажусь в родных землях.

Подойдя к стойке, где мельтешило несколько людей, я прорвалась сквозь галдящую толпу, чтобы отдать ключ.

– Возьмите леди, и спасибо за гостеприимство, – бросила я с дежурной улыбкой.

– Прошу прощение, госпожа, но сейчас мой черед.

Не сразу поняв, что это говорят мне, я вскинулась на молодого мужчину, стоявшего рядом. Холодный взгляд, в котором читались нотки недовольства, уперся в мое лицо, пока я уставилась на типа, решившего кинуть в меня обвинением.

– Не заметила вашего присутствия, господин. Вы подошли бы ближе к стойке, а не жалитесь бы на галерке, дабы заявить свое присутствие.

Вскинутая бровь надменно замерла. Непреднамеренно, мужчина оправил плащ, сверкнув сапфировым перстнем.

– Очки вам в помощь.

– Так вы наглец, – ухмылка полоснула мой рот, – бросаетесь фразочками как кольями. Очки и так спутники моей жизни, не стоит вам так переживать. Имеется сей предмет.

– Прошу вас, отдайте ключ и разойдемся мирно, – выказывая скуку нашим препирательством, мужчина вздохнул, напомнив мне деда. Тот тоже любил строить из себя самого умного, а меня считал дурочкой, у которой иногда что-то получалось. Эта манера меня разозлила, и я еще сильнее вперилась в господина, не скрывая своего гнева.

– Какие же такие эскулапы учили вас таким повадкам общения с женским полом? Старцы, ненавидящие женские юбки и считающие их исчадием ада?

Уголки губ наглеца слегка дрогнули, но лишь слегка. Он отвернулся, показав мне свой точеный профиль, с прямым носом, аккуратными скулами и слегка островатым подбородком.

– Вам не с кем поговорить? Долго хранили обет молчания?

Я даже прыснула от такой наглости. Вот же бесстыжий!

– Вы проницательны. Шестидесять дней обета. Не представляете, как язык чешется завести уморительную беседу с каким-нибудь заносчивым товарищем. А тут вдруг вы! Как это назвать, если не удачей?

– Вы ошиблись, госпожа. Не люблю тратить драгоценное время на пустую болтовню.

Я наигранно охнула.

– Какое разочарование, а я думала, вы как раз из категории балаболов.

– Как вы это определили? – между делом произнес мужчина, взяв перо, чтобы расписаться в отдаче ключа. На его лице не шевельнулся ни один мускул.

Я вдруг отметила, что он как-то по-особенному симпатичен.

– Прочитала по лицу. Знаете ли, обладаю неким даром. Вот, например, ваши кустистые брови так и кричат о том, что вы любите подавлять людей, а горбинка на носу так и вещает о ваших агрессивных повадках.

Мужчина, не выдержав такой пурги, все же, повернулся ко мне всмотревшись. Благо, я отмыла всю грязь в купели, похожей на таз и не была одета в тулуп и унты. Раньше я об этом никогда не задумывалась, а сейчас с чего вдруг?

Он слегка прищурился, пытаясь найти в моей внешности, что-то притягательное, но по выражению лица не смог. Я подавила вдох сожаления.

Мотнув кучерявой от природы копной, я задрала подбородок. Пусть знает, что имеет дело с госпожой, а не абы с кем!

– Кустистые брови, – задумчивость яркими красками расцвела на лице, – интересное сравнение.

Я улыбнулась.

– Печально прерывать ваш поток знаний, но мне пора.

Молодой мужчина развернулся, схватив со стойки ридикюль, вышел с постоялого двора, окатив меня насыщенным ароматом благовоний, источающим морозный холод.

Я тоже сделала нужные действия, простилась с хозяйкой и направилась к дилижансу, где уже водрузили мой сундук с вещами.

На дирижабль я успела. Да и место оказалось выигрышным. Прямо возле окна. Можно было спокойно наслаждаться видами лесов, рек, маленькими городками и виноградниками.

Увы, я не упивалась пейзажами, по причине банальной и простой. Этот заносчивый тип выбил меня из колеи. Всегда ненавидела таких отвратительных и мерзких, мнящих из себя невесть что. Да от него за версту несло запахом ненависти к женскому полу!

Даже Винсент, который деликатно отказал мне в чувствах, а потом разнес о моем признании сплетню на весь Аквалон и то, не вызывал во мне такое смятение и брезгливость. Да и возможно, сплетни разносил не он, а его недалекие дружки.

В дирижабле раздавался галдеж, немного начинающий меня напрягать.

Я пришла к выводу, что обратный путь начал походить на кругосветное путешествие по своей длительности. Мне стало казаться, что я никогда не доберусь до точки назначения.

Наконец, дирижабль приземлился в столице. Я с восхищением прильнула к окну, разглядывая белые каменные домики, увитые цветами и красивыми кадками с растительностью. Брызги фонтанов, сияющих в лучах Суvara, образовывали радуги, а Хрустальный замок, был величественно прекрасен.

Столица разрасталась, становилась многолюдной и современной, чего нельзя было сказать об Аквалоне.

Город был построен несколько десятков лет назад и территориально располагался в двух часах пути от столицы Аквии.

Аквалон был небольшим провинциальным городом, с уютными домиками в центре и вальяжными особняками на окраине. Здесь было много скверов, утопающих в зелени высоких эвкалиптов и платанов, располагалась уютная едальня, кондитерская и миниатюрная современная ресторация, открытая под предводительством королевства. Также можно было посетить с дюжину других увеселительных мест и провести досуг в парке с качелями и небольшим озером, куда прилетали размножаться лебедеи.

Аквалон получил свою славу тем, что когда-то здесь повелась огромная любовь к скульптурам. Почти у каждого дома и чуть ли не у каждого пня, можно было встретить статую какого-нибудь божества, ангела и еще кое-чего очень странного – памятника овощам и фруктам.

Город и прилегающие к нему территории, были местами щедрыми на плодородие еще и потому, что граничили с территориями артефакта земель Терры.

Через небольшую реку с желтоватыми водами, можно было сразу же попасть в Терон, город другого артефакта. Там проживала моя достаточно близкая подруга Кира. Девушкой она была своеобразной. Больше всего любила гончарное мастерство и отдавала этому делу все свободное время.

Мы были с ней чем-то похожи.

Если Кира фанатично обожала горшки, которые потом дарила в виде подарков, то я занималась плодородием с малых лет.

Я больше всего на свете любила копаться в земле, проводила время на грядках и парниках, а еще выращивала плодовые деревья, выводя новые виды.

Осечек было много. Иногда вырастало что-то странное и пугающее, но все же, были и экземпляры, что закачаешься.

Моей самой большой гордостью было то, что я смогла вырастить листья чефира, из которых потом заваривался крепкий напиток, который можно было пить с травами, ягодными листьями и с добавлением меда.

В одном из фолиантов, доставшийся от родни, я накопила засушенный лист, залила его водой и долго отмачивала, пока не появился еле заметный корешок. После чего выбрала самое благоприятное место для посадки и чуть ли не молилась на него, пока он не прижился и не дал следующие соцветия.

Так, в нашем особняке, а потом и на плантации не разрослась целая гряда из кустов.

Данное явление запатентовали, дав название «Чефир В. Стейдж». Дед мог бы назвать полным именем, но видно его задушила варанга (жаба), что слава перейдет чудноватой внучке, а не ему. Уж очень он любил, когда только его считали самым умным. Его нарциссическая натура, порой меня просто допекала!

Воодушевившись, что до Аквалона, моих книг и грядок, осталось менее двадцати минут пути, я чуть ли не запрыгала от радости, подгоняя вяло текущие минуты.

Меня никто не встретил, в чем я не сомневалась, хотя с постоянного двора отправила весть, что прибуду после полудня.

В землях Аквии было принято таскать с собой дуэнью, в качестве сопровождения. Такими манерами пользовались далеко не везде и не во всех семьях, не желая тратить деньги. Или были уверены в рассудительности своих отпрысков.

Видно, мой дед и все семейство, тоже думало также, считая, что лишний рот кормить нет смысла. Я, итак, копалась целыми днями в земле и торчала в библиотечных сводах дома, да и после подслушанной фразы Гордона Стейджа и его дочери Агнесс, проживающей с нами, точки в этом деле поставили жирнее некуда.

«Нескладное неказистое создание».

Это отвратительно, когда самые близкие люди шепчутся за твоей спиной и придумывают обидные эпитеты.

Создание!

Это существо, не имеющее пола!

Я же, как бы им не хотелось признавать, родилась женщиной с формами, пусть не ярко выраженными, но все же!

С такой родней, странной до безобразия, сложно научиться привлекательности. Нужно очень постараться. А еще попытаться не впасть в хандру, когда знаешь что не уродилась красой

Аквалона, как, например, дражайшая Анна Эдит Грудз, местная знаменитость и прелестница, от которой все мужчины в городе походили с ума.

Девушки, входящие в возраст обмена чашами, страстно выходили на охоту. Анна Эдит была одной из них. Выбирала лучшего. Ее я терпеть не могла, считала заносчивой и высокомерной.

В реальность меня вернула плавная посадка дирижабля. Я некоторое время подождала, поправив взбунтовавшиеся кучерявые волосы и пропуская вперед самых нетерпеливых и выйдя на станции, поймала открытую повозку.

Погода стояла прекрасная. Я не могла представить как соскучилась по теплу и запаху растений. Сувар мягко светил, лаская мягкими лучами и хорошенько припекал.

До холодных месяцев оставался еще небольшой промежуток времени. Можно было насладиться летом, сбором плодов и закапаться в земле по самые локти.

Возница проехал по главной улице.

Хорсы заодно стучали подковами по брусчатке, практически отбивая чечетку, пока я разглядывала любимые заведения и тешила себя скорым посещением любимой кондитерской «У Гертруды».

Минуя центр города, я обратила внимание, что напротив уютного сквера поставили памятник тыкве. Здоровенный овощ изобразили с улыбающимся зубастым ртом. Выглядело это нелепо, но в стиле Аквалона.

Сюда часто приезжали любопытные представители других городов и земель, чтобы поглядеть на дюжины скульптур и сделать на их фоне голографические открытки на память.

Я не понимала, что может быть такого привлекательного, как запечатлеть себя на фоне патиссона или кабачка.

За своими ворчливыми мыслями, я не заметила, как спустя некоторое время оказалась возле особняка семьи Стейдж.

Подъездная дорожка, как и всегда, оказалась расчищенной и чистой. Подле тянулся к свету зеленый газон, а по всему периметру дома росли кустарники жасмина, олеандра и цветы гортензии.

Светлый тон и неброский декор, добавляли нелишней строгости, но и изящества. Узкая лестница вела не только внутрь, но и на укрытые террасы, расположившиеся почти со всех сторон. Здесь приятно было испить чефира и послушать пение птиц, но я больше предпочитала беседку или небольшой уголок под зонтиком, недалеко от персиковых деревьев. Аромат стоял там умопомрачительный.

Возле фигурных перил дома, я узрела знакомые каменные вазоны и посмотрела наверх.

Местами стены опоясывал синеватый мох, а в северном крыле, плел свою вязь плющ с мелкими цветами.

Я так соскучилась по дому, что некоторое время всматривалась в родные стены, наплевав на то, что снаружи он мне нравился больше, чем изнутри.

Дед обожал антиквариат, являлся знатным коллекционером. Все свое ценное добро, он хранил в своем кабинете, либо в главной большой гостиной.

Среди темных обоев, лоск которых побледнел с годами, группировались статуэтки, картины, какие-то странные вещицы и маски. От всего этого великолепия можно было рехнуться. Вся эта пестрящая ерунда накидывалась на тебя разом, стоило ступить внутрь зала. Не зря, остальные члены семьи не шибко жаловали это место, предпочитая что-то более спокойное.

– Виви, дорогая детка!

Стоило мне перешагнуть порог, как меня обняла главная прислужница, относящаяся ко мне с терпимостью и зачатками любви. Конечно, она тоже периодически ловила флюиды странностей, и могла просто обидеться на ровном месте, если что-то было не по ней.

– Эдмунда, – я прижала к себе плотное тело женщины, почувствовав тепло и аромат домашней выпечки.

– Как добралась? Тебя ждали.

Мои брови сложились домиком от последней фразы. Прозвучала она совершенно неубедительно.

– Поездка была похожа на полосу препятствий, но меня не сломили ветра и морозы.

Скинув плащ на руки женщины, я посторонилась, так как мой сундук потащили по лестнице в мои покои. Обратив внимание на новую синюю дорожку, я не скрыла удивление. Как это дед расстался со старой с золотой окантовкой, ставшей со временем коричневой?

– Обновки?

– Да, Андромеда сделала дарение. Господину Гордону сказалось по душе.

– Что-то ты странности говоришь, Эдмунда. Неужто вас здесь зачаровали?

Прислужница усмехнулась, оголив ровные полоски зубов.

– К нам скоро придут гости, но это уже тебе господин расскажет.

Гости?

Мне это сразу не понравилось! Стоило мне прибыть и уже настроиться на спокойное времяпрепровождение, как кто-то рвется заполнять собой гостевые комнаты.

– Как все? Здоровы?

Вопрос прозвучал двусмысленно и бесцветно, будто я с нетерпением ожидала, что кого-то из рода Стейдж отбыл к богам.

Семейку свою я считала ненормальной. Каждый отличался какими-то своими странными индивидуальными качествами.

– Господин Гордон в кабинете, госпожа Агнесс в молельном доме, ваша прабабушка дремлет, а ваш отец отбыл по каким-то делам в центр города.

– Спасибо, что проинформировала, – кинула я через плечо, поднимаясь по пушистому ковру лестницы.

– Твой дедушка будет счастлив тебя повидать, Виви.

Скривившись, я не повернулась.

– После сытной обедни и купели, обязательно навещу. От меня разит хорсами, драгенами и еще невесть чем. Не думаю, что господин обожает такую смесь ароматов.

Я прям предвидела, как Эдмунда покачала головой, но мне было все равно.

Дед подождет.

Может, он вообще удивится, увидев меня. Небось надеялся, что я сгину во льдах, как недоразумение.

Чувствуя трепет, я наконец, оказалась в своих покоях, позабыв о членах семьи, не подумавших встретить меня.

Теплая комната с аквамариновыми занавесями на окнах, оказалась чистой и уютной. На большом квадратном столе лежали мои книги и фолианты по плодородию, один из которых я взяла и прижала как родного к груди.

Отложив дорогую вещь в сторону, открыла окно, впуская внутрь ароматы лета, цветов и пение птиц.

Лучи Суvara мягко коснулись лица, наполняя спокойствием. Я взяла горшки с комнатными растениями и поставила их на козырек, чтобы они напитались светом, и покосившись на сундук с вещами, решила, что займусь им позже, либо попрошу Бенедикту разобрать.

Бенедикта являлась прислужницей с недавних пор. Она имела прямое родство с Эдмундой. Девушка приходилась ей племянницей. Бенедикта была скромной до корней светлых пепельных волос и очень красивой.

Когда она соприкоснулась тесно с моим характером, то была в ужасе, но стойко пережила острое словцо и выражения. В общем, мы притерлись. Она хорошо завязывала традиционные корсеты и занималась подготовкой платья, решив, что мне эти услуги очень нужны.

Я же, совершенно была далека от всех этих рюшей, шелков, переливающихся перчаток, предпочитая удобство первым делом.

Комната с отхожим местом и купелью, встретила меня любимыми отдушками и соляными кристаллами, которые я тут же погрузила внутрь ванны, начав ее набирать.

Тепловые кристаллы, встроенные в трубы, сразу же грели воду до нужных температур, в отличие от таскания ведер в землях Ванн.

Мое тело изнывало о расслаблении и тепле. Казалось, что до сих пор я не смогла отогреться и сделала погорячее, занырнув в купель полностью. Ароматы морских отдушек и шипящего соляного кристалла, одурманил меня, похлеще успокоительных трав. Я не заметила, как страшно захотела спать и помывшись, улеглась на мягкий матрас с перьевыми пышными подушками. Уснула быстро, а проснулась, когда уже начало смеркаться.

В покоях шуршала Бенедикта и замерла, увидев, что я открыла глаза.

– Госпожа, с приездом. Хотела разобрать ваш сундук.

Потянувшись, я порадовалась удобствам, как чем-то невероятному.

– После помогу тебе, – выдала я немного уклончиво, так как под грудой тяжелых фолиантов, классических романов, лежал компромат из тройки откровенных романов, которые любили почитать в узких кругах девицы Аквии и Терры. Эта литература не была запрещена, но порицалась страшим поколением. Им было не важно б что порицать, главное – к чему-нибудь придаться.

– Господин Гордон спрашивал о вас. До трапезы ожидает в кабинете.

Не став бубнить себе под нос фразы, наполненные негодованием, я просто промолчала, дабы не вгонять прислужницу в конфуз.

К деду на randevу я собралась быстро. Смысл прихорашиваться, если тебя, итак, считают неказистым оно?

Внутри кабинета стояла гробовая тишина. Лишь тиканье напольных древних часов, отсчитывало минуты, будто бы притягивая скорое наказание.

Деду подарили этот очередной антиквариат какие-то знакомые, разбирающиеся в этой бурде. Доказывали, что привезли с Терры, с погребенного под землю города. По мне, наврали, решив подлизаться, а сами вытащили с барахолки.

С левой стороны вытянутого кабинета стояли шкафы, чуть правее выделялся бюст грифона, кровожадно распустившего крылья, возле которого стояло два стула и стол для игры в шахматы. Дед любил поломать голову над логичными ходами и унижить своим раздувшимся умом какого-нибудь плюгавого оппонента.

Гордону Суреверу Стейджу, не понравился мой внешний вид сразу.

Только очень знающий человек мог различить на беспристрастном лице человека, тип эмоций и чувств. Я определила, что белое платье в мелкий цветок с кружевным воротником, не впечатлило главу семьи. Он вздохнул, явно сверившись с прошлыми мыслями о моей дурноте.

Кучерявые волосы я специально распустила, чтобы добить господина на месте.

Серо-голубые глаза застыли на несколько секунд, пока он не сморгнул и не откинулся на спинку обитого бархатом стула с золотой окантовкой.

– Добрый вечер, дедуля.

Гордон поморщился. Я единственная обращалась так к нему. Все остальные называли Гордон, господин или милорд.

Как-то мы поспорили на счет этой темы, и я смело выдала, что господином он мне быть не может, по причине тесного родства. Он промолчал, про себя не желая быть дедом, явно переживая за ушедшую молодость.

– Вивьен, думал, ты удержишься. Дедвик писал, что ты в восторге от их гостеприимного края.

Я чуть не разразилась истерикой. Ну что за редкостная бредятина?

– Он явно что-то напутал или вы поняли не так. Надеюсь, ссылки больше не повторятся? Или вы настроены вторично меня туда заслать?

Звезда почета блеснула на пиджаке мужчины, мимолетно ослепив. Гордон получил ее за вклад в город Аквалон и носил ее теперь как знамя.

– Все зависит от тебя. Ты вразумилась?

– Я вроде как была в своем уме, чего не могу сказать о некоторых.

– Не стоит перегибать, дорогая. – Мужчина изобразил на лице улыбку. – Вижу, тебе пошло на пользу это путешествие.

– И как вы это определили?

Я уселась на стул рядом, не обратив внимание как мужчина поморщился. Как же, без приглашения и идеальных манер!

– Ты выглядишь свежей.

– Спасибо, не замороженным мертвием, дедушка. Видели бы вы, как я добиралась обратно. Семь кругов Дантея покажутся вам цветочками. Пурга, старый драген, глухой возница и проливной ливень в Вандее, сведут с ума даже самого стойкого.

– Вижу ты справилась, несмотря на трудности. Сразу чувствуется стержень рода Стейдж.

Слово стержень, на меня повлияло как-то по-своему. Эдерика Нейл, романы которой я читала с упоением, называла этим названием кое-что другое. Надеюсь, дед не понял, о чем я подумала, а то бы отправил меня в Ванн навсегда.

– Да, я крепка как старый эвкалипт. Непогода не смогла меня свалить.

Гордон моргнул, продолжая крутить в руках самописное перо.

– Не думаю, что вы позвали меня молчать, не так ли?

– Тоска по тебе была сильнее, чем мог подумать. Заскучал.

Огромным усилием я сдержала залп смеха. Дед удивил сарказмом.

– Я тоже, просилась быстрее к вам под родное крыло.

Гордон оправил руками волосы, поредевшие за годы. Голубой тон терялся за седыми прядями все больше и больше.

– Я повторю свой вопрос, Вивьен. Ты забыла господина Тотала?

– Допустим, – кивнула я, чувствуя какой-то подвох.

– Я рад, что ты справилась с детскими чувствами, не являющимися настоящими.

– Вы что-то хотите, дедуля? Говорите прямо.

– Ничего такого, – слегка пожал плечами мужчина, но только бы слепец не увидел за этим спокойствием, что он что-то задумал.

– Эдмунда проговорила о гостях? И кто они?

– Озвучу за трапезой.

Гордон поднялся с кресла, чиркнув ножками по скрипучему паркету. Тяжелый аромат благовоний, сразу же ударил в нос.

Мужчина обогнул стол и подошел ко мне, приобняв за худые плечи.

– Знаю, как ты соскучилась по всем, – мужчина поднажал на мою спину, чтобы побыстрее выпроводить, – скоро ты утолишь разлуку с близкими.

Я закатила глаза, промолчав на очередную высокопарную речь.

Из столовой доносились умопомрачительные ароматы вечерней трапезы.

В чем дед не экономил, так это в питании, предпочитая стол, уставленный яствами. Редко можно было узреть что-нибудь простое и сытное. И уж точно, на трапезе я бы ни за что в жизни не увидела здоровенной ноги каюна, истекающую жиром.

– Господин, – плавными движениями пройти в зал пригласила Эдмунда. Помимо запаха деликатесов, я тут же встретила двух своих родственников и повела носом.

– Вивьен, – ко мне очень эмоционально подошел отец. Мужчиной он был средних лет, носил пышные усы и вихрастую шевелюру. Маленькие, бегающие глазки мутно-серого оттенка, окружали тонкие морщинки, а на носу, вполне себе внушительном, можно было разглядеть мелкие конопатины. Одевался он вполне прилично, по крайней мере именно так Алистер Стейдж, думал.

Когда мой отец появился на свет, ему дали сильное имя, имевшее значение «защитник». Возможно, дед и моя умершая бабка Матильда, в своих мечтах считали, что наследник будет сильным, крепким и целеустремленным.

Увы, все случилось не так. Мой отец, был целеустремлен только в курении табачных листов, лени и тайным посещениям непотребного дома, расположившего все оттенки разврата на окраине города.

Ростом он пошел в Матильду, а не в рослого Гордона, казался плюгавым и незаметным. Больше всего он любил размеренный образ жизни, редко срывался на крик и часто разрешал мне многое, дабы я не жужжала как надоедливый пискун.

Отношения у нас были сносные и вполне неплохие. Алистер жил в своем мире дурмана от табака, а я в любви к плодовым. Наши миры не пересекались и не бились друг об друга.

– Ты вернулась, – левый глаз отца зашелся в подмигивании. Он заключил меня в свои чудосочные объятия, от которых моя голова закружилась. Дело было не в крепости мышц, а в запахе табачных отдушек, коими провоняла вся одежда Алистера.

– Отец, – улыбка коснулась моего напряженного рта, – уже не думала, что этот день настанет. Как здоровье? Мигрени отпустили вас?

Алистер быстро высвободил меня из отеческой хватки. Порыв родительской любви можно было назвать завершенным.

– Теплые месяцы действуют на меня удручающе. Духота давит на сосуды.

– Хм, – хлопнула я глазами, – вам нужно было составить мне компанию в мерзлые земли. Озеро Эа лечит все недуги. Не правда ли, дедуля?

Дед косо поглядел на нерадивого отпрыска.

– Боюсь, здесь уже ничего не переделаешь, – не скрывая своего пренебрежения, дед уселся на главное место, расправив салфетку.

Алистер моментально дернул галстук и забегал глазами, в поисках новой порции табака, чтобы убежать от реальности, в виде деспотичного Гордона Стейджа.

Я тоже села на свое место и только решила с жадностью рассмотреть закуски, как в столовую, увешанную антикварными тарелками, чуть ли не до потолка, украшенного потрескавшейся лепниной, вплыла как дирижабль, молчаливая Агнесс.

Агнесс, Андромеда и Алистер, были единокровными наследниками деда.

Все трое были настолько разными, что порой я задумывалась, как три таких ребенка могли уродиться у столь серьезного родителя.

Ни один не был похож на него характером.

Алистер был прожигателем жизни. Андромеда заносчивой, откровенной и развратной, а Агнесс, можно было назвать целомудренной непорочностью и энциклопедией запретов.

Больше всего, меня допекала именно она, решившая, что сможет воспитать меня в канонах веры, терпимости и чистоты.

По молодости, Гордон сумел спровадить ее на церемонию обмена брачных чаш, но спустя год ее супруг отправился к богам, видимо, не выдержав celibата и воздержанности от похоти.

У Агнесс, даже расцветший куст глицинии казался полным разврата.

Женщина считала, что во мне сидит бес, его надо изгонять всеми возможными способами, и посему часто гоняла меня в молельный дом на исповеди и слушанья молитв.

Именно она, нашептала Гордону на ухо, что мне будет полезно провести время вдали от дома, в холоде.

Одетая в темное платье из неприметной синей вискозы, застегнутое по самое горло, она уселась напротив меня, вперившись своими черными глазами. Внешностью она пошла в деда. Только волосы были с синим отливом, вечно собранные в высокую прическу и заколотые шпильками.

Трапезы фанатичная тетка посещала регулярно, и не было ни одного раза, когда мы не бодались с ней при встрече.

– Худоба пошла тебе на пользу, – высказалась она вместо приветствия, – не все же объедаться до неприличия.

– И вам доброго дня, тетушка. Успела соскучиться по запаху ладана, спутнику вашей жизни.

Гордон кивнул Эдмунде, разрешая начать обслуживание.

Перед носом поставили тарель с фаршированным морским угрем и подливой.

Я вздохнула. Морские гады не были моим любимым видом трапез, но все же лучше, чем топленый жир в тарелке. Я бегло осмотрела стол, где в убранстве хрупкого фарфора, углядела бланшированные огурцы, овощную нарезку из моркови и свеклы под маслом, спаржу в приправе и тушеного лепура (кролик) в холодной подливе. Чуть правее дымились пирожки. Не дожидаясь разрешения, я быстро добавила себе в тарелку все то, что было съедобным и даже носом не повела, наплевав на взгляд Агнесс, полный укоризны. Дед молчал, не обращая внимание на мои манеры, явно свыкшийся с тем, что в его семье все ненормальные.

– Земли Ванн, хотелось думать, пошли тебе на пользу, но вижу сумбурные резкие движения и заносчивость, не искоренить.

Из-под густых бровей, меня пронзил колкий взгляд Агнесс. Женщина пилила в тарелке микроскопический кусок угря.

– Увы, ваши ожидания по изгнанию беса из меня, не оправдались. Мерзлые земли воспитали во мне умение противостоять невзгодам и закалили мой характер.

Агнесс тихо подавила вдох, моментально почернев от негодования. Странно, что не возвела руки к небу и не стала в голос читать молитву, призывая высшие силы меня спасти.

– Молодец, дочь, – деловито высказался Алистер, воодушевленно разделявая лепура в тарелке. – Далек пойдешь! Вся в отца!

Жадно пережевывая овощи, я заставила себя наигранно улыбнуться. Наверно надо было благодарить высшие силы, что на родителя я совершенно не была похожа. Только эти конопатины на лице остались от него и врожденная заносчивость.

– Где бабуля? – решила я сменить тему на самую безопасную.

– Не стали будить ее к трапезе, – меланхолично ответила за всех Агнесс. В одной теме, мы все сходились в едином мнении. Аманда, мать Гордона, дожившая до дремучих седин, повредившаяся умом от старости, была костью в горле у всего семейства.

Аманда любила умирать и никак не могла это сделать, зато допекала всех знатно. Манипуляторша до корней своих жестких как мочалка волос, она добивалась того, чего хотела, но с годами сбавила обороты, что не могло ни радовать.

Даже Агнесс, казавшаяся оплотом терпения и правильности, выводилась из себя, а потом долгими вечерами стояла на коленях, отмаливая свой грех перед любимым образом богини терпения Сумары.

– Она просила навестить тебя ее завтра, – продолжила тетка. – Прежде чем, ты пойдешь к ней, мы навестим молельный дом. Пора очиститься от скверны.

Я уставилась на нее как на исчадие ада.

– Уверена, что все злые помыслы покинули меня в доме дядюшки Дедвика. Не вижу смысла устраивать свидание с богами так скоро.

– Вивьен, – тетка изображала терпение, – твой благодетель должен быть на первом месте. Я пекусь за него.

– Не помню, чтобы вас назначали моим опекуном. У меня есть дедуля и отец, мужчины как никак, – пожалала я плечами, заполняя рот едой, дабы раздражить Агнесс своими манерами.

Тетка перевела взгляд на Гордона, ища поддержки, но дед молчал, наполняя трапезу паузами и не включаясь в эти вечные баталии.

– Я хотела провести весь день с отцом, – добавила я, – уверена, мы так истосковались друг по другу, что время, проведенное вместе, восполнит сердечную горечь. Ведь правда, отец?

Алистер, даже не успел скрыть испуга.

Мы никогда не оставались наедине, положенных десяти минут, а потом бежали в разные стороны, так как беседы были немногословными настолько, что обычно несколько слов, заполняли тишину, а не наоборот.

– Утро у меня занято, – начал отец неуверенно, – планировал проверить плодовую ярмарку на наличие конкурентов в цитрусовых.

Это была самая глупая отмазка! Все сразу поняли, что Алистер врет, и одновременно вздохнули.

– Видишь? – как исчадие из бездны, улыбнулась Агнесс, прищипив меня своими острыми глазами, как насекомое жалом. – Боги призывают тебя в свое лоно.

Я сжала вилку и нож. Мы сверлили друг друга с упорством и не моргая.

– Дедуля, – перевела я внимание на Гордона, наслаждающегося угрем, – как вы считаете, не сделать ли нам на следующий день воплощения тетушке дарение? Например, кутью (собака) или ласкового кеди! Что-то внутри меня подсказывает, что ей не хватает заботы о ком-нибудь покладистом.

– Не уверен, что дом потянет еще одного члена семьи, – не поднимая глаз, высказал он свое мнение, – вспомни день, когда в особняк вбежала уличная кеди и ее ловили весь день. Не скажу, что соседство с животным одарит нас пользой.

– Я не говорю за всех, дорогой дедушка, – продолжила я, облизав губы от масла, – только про тетушку Агнесс.

– Пора заканчивать этот никчемный разговор, – вмешалась женщина, – кроме моей веры, мне никто не нужен.

Я подняла бровь.

– Да? Мне показалось иначе. Вы так старательно стираете границы между нами, что вам будто не хватает еще кого-то, помимо богов.

– Ты идешь завтра с Агнесс и точка, – отрезал дед. За столом сразу же возникла полная тишина. Я злобно прищурилась.

Ну, я тебе устрою, дедуля! Вас всех снабжу партнерами для забот и радостей!

Алистер кашлянул. Отрезвляющий голос деда, действовал на него гипнотически. Я закусила язык, чтобы не сцепиться с теткой.

– Пока мы все тут, хотел высказаться о двух вещах, – монотонный и спокойный голос Гордона Стейджа, заставил всех перестать жевать и греметь посудой. Я тяжело вздохнула.

Поесть не дадут, ей-богу!

Эдмунда, как раз внесла персики в креме, которые я просто обожала и убрав грязную посуду, расставила всем пиалы с лакомством. Всем, кроме Агнесс. Тетка застыла взглядом на высоком фужере с водой и что-то нашептывала. Заговаривала жидкость, видимо!

– Две седмицы, может чуть больше, у нас будет гостить господин Адам. Это племянник и наследник моего очень хорошего друга Адди. Он приедет не просто так. В вопросе сельскохозяйственных культур, мы решили слить наши дела и создать некий отдельный сектор, коим будет заниматься этот молодой человек.

– Что? – я даже не собиралась скрывать своего возмущения, – зачем нам кто-то нужен? Наша семья прекрасно ведет дела сама, без всяких там сторонников!

– Я так захотел, Вивьен, – стала в голосе деда, могла перерезать горло оппонентам. Заткнувшись, я покраснела, чувствуя негодование.

Какой-то выскочка, который будет крутиться здесь и что-то вынюхивать, явно преследуя свои цели! А если он украдет фолиант с секретными рецептами выращивания?

– Гость должен прибыть завтра. Встретьте его с полной доброжелательностью и пожалуйста, без эксцессов. Надеюсь, никто не опозорит меня.

Прозрачные глаза Гордона Стейджа, прожгли клеймо на каждом.

– Незнакомый человек в доме, – настороженно вылупилась на деда Агнесс. Мне бы рассмеяться, но я была с ней солидарна. Еще этого не хватало! Жеманничать и делать вид, что рада играть любезность и гостеприимство.

– Я согласна с тетушкой, – поддакнула я, – надеюсь, он не окажется распутником, готовым свратить нашу добродетель? Сейчас столько странных типов.

Поцокав языком, я закинула в рот персики. Вкус показался мне пресным из-за того, что мне испортили настроение сразу. То молельщик, то гость!

– Перестаньте молоть чушь, – Гордон провел зубами по нижней губе, про себя думая, что мы больные на всю голову. – Я доверяю ему, как самому себе.

– Надеюсь, вы не ошибаетесь, – не удержалась я, – это все счастливые известия или есть еще что-то, что вы прячете в рукаве?

– Из Хрустального города в Аквалон придут мои давнишние друзья, семейство Нордвик. Думаю, некоторое время мы проведем вместе.

Я выдохнула. Пусть дед делает что хочет. Развлекает своих товарищей и не трогает меня.

– Это все?

Гордон посмотрел на меня как на недотепу.

На ходу закинув персики в рот, я распрощалась с родней и под предлогом разобрать сундук, побежала наверх, прихватив пару пирожков.

Плевать я хотела на то, что они подумают о моих манерах. Семейство и так было чокнутым.

Усмехнувшись, я вошла в свою комнату, представив то, как этот Арнольд или Адам, ускачет отсюда, сверкая пятками, как только познакомиться с каждым членом семьи отдельно.

В покоях меня ждала Бенедикта, прислужница. Глаза на краснеющем как флаг лице, вылезли из орбит. Я даже хотела проверить у нее дыхание. Казалось, она застыла и не думала шевелиться.

– У тебя что, горловая варанга, Бенедикта?

– Госпожа Вивьен, я хотела оказать вам помощь в разборе ваших вещей, сложить их аккуратно в шкафы, перестирать в порошках и отдушках.

– И? Ты можешь сделать это без зазрения совести, я не буду вставать против твоих желаний сделать это.

– Дело в том, что тут нет ваших вещей.

– Тебя что, госпожа Аманда угостила настоем трав, Бенедикта?

Я подошла к сундуку и заглянула внутрь, как в колодец, наполненный иыланами (змеи). Мои глаза сразу же полезли на лоб, как у прислужницы.

– Мать моя женщина! – охнула я, – что это такое?

Моя рука потянулась к аккуратным стопкам, вымерено лежавшим линиями внутри пространства, и выудила сверху мужское исподнее белье, пахшее свежестью и чистотой. Не то чтобы я его понюхала, вдохнула, прислонив к носу. Я не была настолько больной. Нет! Просто запах стиральных отдушек был таким интенсивным, что ударил в нос как кулак.

Мне стоило нескольких секунд, чтобы включить логику. Я когда-то успела перепутать сундуки с каким-то перфекционистом до мозга костей.

Глава 3

Мечтавшая спокойно уснуть в своей постели на мягких подушках, я распрощалась с этой идеей как только узнала, что в моих покоях, по-хозяйски осел чужой сундук, как две капли воды похожий на мой.

Только имелись отличия в табличке собственника. Вместо В. Стейдж, там значилось А.Редвил.

И если в сундуке этого господина, с задатками фанатичной аккуратности все было понятно, то мой сундук, мог вызвать в этом Редвиле, приступ паники из пары существенных критериев.

Первое, под фолиантами о плодородии покоились книги Эдерики Неил, пишушей открыто и развратно. Там даже имелись иллюстрации, от которых моя тетка Агнесс потеряла бы дар речи. А вторым – откровенный бардак. Я не старательно укладывала свою поклажу, а закидывала ее внутрь, по причине побега из холода. Да и вообще я не думала, что мои вещи будут у какого-то Редвила. Так бы я, возможно, была бы более аккуратной.

Эта ситуация меня напрягла еще и тем, что важные фолианты по плодородию оказались у чужака и я планировала отправиться в отдел пропавших вещей, чтобы сделать заявку на возврат.

Хотелось думать, что господин А. Редвил, окажется вменяемым джентльменом и не приберет к рукам мои ценные вещи.

Провозившись до утра, я провалилась в беспокойный сон и к моему острому сожалению, была нагло разбужена теткой Агнесс. Эта женщина, которую назвать родственницей язык не поворачивался, разбудила меня звоном колокольчика.

Впору испугаться так что стать зайкой, потому что это женщина без тормозов, с особой жестокостью раздвинула занавеси, впуская внутрь свет. Она деловито прошла по комнате, всматриваясь в каждый угол, словно ища отблески скверны и притаившегося разврата.

– Поторопись, – скрежет в интонациях, заставил меня поморщиться. Я промолчала, дико бесясь. – Дилижанс ожидает нас через тридцать минут. Песнопение ждуть не будет.

Агнесс вышла из комнаты так же быстро, как и зашла. Благо не выдала что-нибудь умное насчет сундука, который следовало убрать в гардеробную от лишних глаз, а то подумают невеста что.

С послушницей богов спорить было бесполезно, зато очень хотелось поднять крик в эту несусветную рань. Часы, насмехаясь, показывали половину шестого утра. Тетка точно спятила со своим молельным домом и явно хотела заразить своим безумством всех остальных.

Поднявшись с нагретого за ночь места, я вытащила из шкафа голубое ситцевое платье, волосы же, кое-как заколола позади заколкой. Решив что позавтракаю после, покинула, пока еще, спящий особняк, надеясь, что проповедь продлится недолго.

Агнесс как привидение в грубой синей парче, притаилась в углу, накинув на голову вуаль на каком-то ободке. Так, обычно наряжались старые девы, прячущие морщины под тряпицей.

– Неужели так сложно одеть что-то подходящее к такому святому месту, Вивьен? Мы едем не на гулянье в парк, а к богам на свидание.

– Все в стирке, покрылось пылью за месяцы. Не одену же я на такое значимое randevu непостыдную для этого места грязь?

Я отвернулась к окну, стараясь обрубить утренние беседы. В такой ранний час я не страдала хорошим настроением, и одно неверное слово могло вывести меня из себя.

– Ты читала молитвослов, пока была там?

Прикинуться спящей не удалось. Начался какой-то блиц опрос, от которого тут же стало тошно. Молитвослов, да простят меня вездесущие создания с крыльями, я вышвырнула в один из сугробов Ванн, когда разбирала вещи у дядюшки. Избавлялась от тени тетки как могла!

– Естественно, – кивнула я, – он и спас меня от пребывания там. Кстати, не желаете ли тоже устроить турне в те земли? Очищаешься от всего мирского стремительно быстро. Что-то мне подсказывает, что вам это место пойдет на пользу.

– С удовольствием, но артрит не позволит мне проделать такое расстояние безболезненно.

– Жаль, – мой вдох был оплотом сожаления, – может взять у госпожи Аманды опиумной настойки в путь? Выпьете в Аквалоне, проснетесь у Дедвика в покоях.

Тетка вскинула на меня глаза.

– Конечно, я имела в виду, не в его личных покоях, тетушка! Не смотрите на меня так. Кстати, в молельном доме, уверена есть те, кто очень хотят отдать своих дочерей к таким богобоязненным протезе как вы. Может, дать клич в городской вестник?

– Пожалуйста, перестань нести чушь, ибо каждое слово твое наполнено ересью и ахинеей. Как ты могла вырасти такой косноязычной и безнравственной?

Я пожала плечами.

– Мне тоже интересно, как так вышло, что среди таких интеллектуально развитых и благочестивых людей, вдруг оказалась я, полная заносчивости и буйного нрава? Это все бес!

Не сдержавшись, я пугающе рассмеялась. Агнесс зашевелила губами, нездорово покосившись на меня.

– Что там интересного в молельном доме?

– Это место, полное святости, а не кондитерская с новинками, Вивьен. Кстати, забыла тебе сказать, – нотки злорадства в голосе женщины, резко стали очень ощутимыми, – Винсенту Тоталу ищут пару. Хорошо, что ты сумела выкинуть из головы этого не подходящего человека.

Агнесс, мерзкая Агнесс, сумела найти мое больное место и кольнула. Я тут же напряглась. Конечно, мне это известие не понравилось, не то что тетушке.

– А кто же мне подходит? Хотелось бы услышать мнение эксперта по парам, сидящего напротив меня.

– Господин с внутренним стержнем, с характером, не терпящим ерунды. Тебе нужен супруг вдвое старше тебя, знающий толк в брачных делах и воспитании и желательно, чтящий семейные ценности и верующий.

– Такое ощущение, тетушка, что вы описали супруга для себя и этот справочник к пользованию напоминает мне главного молельщика Апостолуса.

– Как ты можешь сыпать из своего рта такими фразами?

Почувствовав, что физиономия тетки под вуалью исказилась, я ухмыльнулась.

– Потому что вы не дали мне нормально умыться. Да и вообще, я не для того себя берегла, вращивалась знаниями и опытом, чтобы пойти под венец с каким-то стариком маразматиком.

– Тебе не выбирать.

– Отправите с дедом силой?

Но это уже ни в какие ворота! Если тетка прожужжит уши Гордону такой бредятиной, то я сожгу особняк к чертовой бабушке!

– В силе нет смысла. Смысл есть в покорности.

Я закатила глаза, желая, чтобы возница Дункан, уже довез нас до пункта назначения. Отосплюсь на проповеди и отдохну от речей этой женщины.

– То есть, в земли Ванн, вы не силой меня отправили? И не силой заставили заставить забыть господина Тотала?

– Тобой не руководил разум в тот момент. Лишь глупости. Решение было верным. Ты слишком глупа и мала, и твой опыт никак не равен знаниям взрослых людей.

– Возможно, я что-то не понимаю, но вашим опытом была всю жизнь молитва. В этом вы безукоризненно сильны, но никак уж в выборе партнеров.

– Ты можешь говорить что хочешь, но Винсент никогда не будет с тобой. Согласия не дадут. Его качества не подходят, и наш род его не примет.

– Конечно, – мои эмоции лились через край, – в нашей семье определенный отбор, не вписывающийся в стандарты прекрасного. Явно все необычные.

– Пусть так. Давно пора принять, что красота не всем подвластна, а вот красота сердца – это другое.

Из экипажа я вылетела, наполненная безумством. Будто Агнесс привезла изгонять из меня сущность из низших миров.

Это общение меня точно когда-нибудь допечет!

– О, Вивьен!

С порога материализовался главный слуга богов Апостолус, ряженный в голубую сутану, повязанную золотистым шнурком. На голове зияла лента, с изображением артефакта воды, отвлекающая взор от прически под горшок и лысины, похожей на гнездо орущей пеструшки.

– И вам доброго дня, главный молельщик, – слегка поклонившись, я уже готова была прорваться в молельный дом, но Апостолоус меня остановил.

– Дорогая Агнесс рассказывала, что ты очищала свой разум в землях Ванн, – при этих словах, мужчина поморщился, – как хорошо, что твои намерения были полны благодати.

– Как видите, не до конца очистилась!

– Послушаю твою исповедь со смирением.

Не в силах выдать из себя ответ, я ворвалась в молельный дом, желая усесться на лавку, но не тут-то было.

Оказалось, что в этом пространстве чистоты и веры, намечался праздник божества Сумары.

Народ столпился у алтаря, вглядываясь в символ артефакта воды, источающий мягкое свечение. Голубые кристаллы в преломлении лучей, наполняли помещение, пропитанное ладаном и лавандой.

Рядом со мной поравнялась Агнесс, скинувшая вуаль. На лице тетки застыло благоговение. Женщина вся поддалась к изображению божества, которое вынесли на подставке и выставили на всеобщее обозрение. Нежный лик с улыбкой опоясывала серебристая рама с вкраплениями бисера.

Когда Апостолус взошел на алтарь, его лицо источало трепет.

Возможно, со мной и правда что-то было не так, но когда запел хор, я начала истошно звать. Минуты тянулись настолько медленно, что время нагло остановило свой бег.

Сначала я разглядывала каждую мелочь внутри молельного дома, начиная с голубоватых стен, покрытых хрусталем, до в рост стоящих световых кристаллов.

От аромата благовоний, начала трещать голова. Впору вались на пол навзничь и бейся в конвульсиях. Казалось, только тетка парила в благоговении, как и несколько человек, припершихся с утра пораньше. Тут также были дети и девушки моего возраста. С некоторыми мы переглянулись и поняли друг друга без слов.

Пошло все в самое забытое место на свете, но на исповедь не останусь! Не выдержу красноречивые кивки Апостолуса за ширмой и советы, от которых станет тошно. Ничего нового он не скажет.

Пока я уходила в мысли, мое тело изнывало от желания присесть. Заломила спина, и я стала нетерпеливо постукивать ногой, ожидая окончания службы как чего-то самого важного в моей жизни.

Рассмотрев хор мальчиков, старательно открывающих рты, я мысленно слала им посылы заткнуться, но они только набирали обороты, сильнее разевая свои пасти и краснея от усердия.

Я глянула на тетку, совершенно не скрывая своего истинного состояния, но та делала все, чтобы изобразить смиренную веру, хотя я чувствовала, что эта хранительница благодетеля измывается надо мной с особым усердием.

– Ну, наконец-то! – не удержалась я от громкого выпада, когда все закончилось. Некоторые взглянули на меня с осуждением, но я осталась непоколебима в своем мнении. Людям видно было нечем заняться, как тащиться в несуетную рань и одухотворяться.

– Апостолус ждет тебя на исповеди, – напомнила Агнесс, схватив меня под локоть крепкими пальцами. А еще говорила про артрит. У нее хватка как у хищника!

– У меня дела в городе, – я стяхнула пятерню тетушки и целенаправленно направилась к выходу, – возьму повозку и доеду сама. В лавку должны были завести новые издания по плодовым. Скажите главному молельщику, что мне очень жаль, но я поберегу душещипательные истории о землях Ванн для другого раза.

– Вивьен, – грозно проорала на ухо тетка, – не смей вести себя так бескультурно.

Мы ударились друг об друга взглядом. В женщину я всмотрелась через вуаль и улыбнулась, еще большее ее разозлив.

– У вас скоро празднество, – я подмигнула, – ждите дарение. Давно я вас не баловала.

Наплевав на последующие слова женщины, я метнулась к месту, где стояли экипажи и заплатив вознице, уселась внутрь, тихо бесясь.

У тетки совсем поехала крыша. Стало еще хуже за эти месяцы.

Пока я тряслась по кочкам, посылая возницу в ад, меня разносило от мыслей о Винсенте. Я не забыла этого светловолосого красавца с васильковыми глазами. Если тетка сказала это чтобы меня довести, то она попала точно в цель. Винсент был самым красивым человеком Аквалона. Бесспорно!

Возницу я попросила остановить прямо возле книжной лавки, в которую я ворвалась первой. Хозяин только открыл и внутри разносился аромат сваренной кавы. Мы бегло поздоровались друг с другом, и я со знанием дела отправилась к стеллажам с любимыми книгами.

Обнаружив новую книгу Эдерики Нейл «Длинноволосый искуситель», я с жадностью схватила издание с полки, не скрывая восторга.

Хозяин лавки, периодически поглядывавший на меня, слегка откашлялся.

Пусть думает что хочет!

Для вида я прошлась по другим книжным рядам и затормозила возле садоводства. «Парадокс растений», «Плодовый оазис», понравились мне по содержанию. Не став долго раздумывать, я оплатила новинки. Когда хозяин укладывал в упаковку «Длинноволосого искусителя», то одарил меня странным выражением лица с масляной улыбочкой. Я сделала вид, что намеков не понимаю.

Ощувив радость от новинки, я не планировала возвращаться домой так скоро. Пусть меня и ожидали овощи и фрукты, по которым я скучала больше всех, но минуты покоя были в прерогативе этого дня. Агнесс мне просто надоела за одно утро настолько, что хотелось бежать.

В кондитерской «У Гертруды», уже успело набиться несколько человек, желающих начать день с вкусной кавы и сладкого перекуса.

Приняв решение объесться сладостями за два месяца лишения радостей, я нетерпеливо дождавшись своей очереди, заказала безе со смородиной и клюквой, пирожное «синий бархат», ежевичный эклер с вербеной и все это снабдила большой кружкой кавы с молоком.

Столик в углу манил своим уютом и прекрасным расположением. Можно было незаметно объедаться, не соблюдая манеры, и поглядывать в окошко на улицу.

Легким движением руки я вытащила из обертки новинку любимой писательницы и сокрыв ее в развороте «Парадокса растений», с жадностью взгляделась в иллюстрации. На одном из разворотов книги играл мускулатурой и торсом главный герой, всматриваясь в застывшие лица читателей, потеющих от глаз искусителя. Я жадно отхлебнула кавы и заки-

нула в рот эсклер. Пролистав еще несколько страниц, я уперлась в картинку, где этот длинноволосый смутьян ласкал плечи наполовину обнаженной гурии. Ее грудь вздымалась, соски тянулись вверх, как пики молевых домов.

Раскрасневшись, я отвлеклась на безе, почувствовав надоедливое сверление на уровне своего лба, покрытого кучерявой челкой.

За соседним столом сидел пухляш, с большим стаканом медового сбитня и медленно потягивал напиток из трубочки.

Не удержавшись от недовольного вздоха и бурчания под нос, я перелистнула роман на страницы со здоровенными брокколи.

Почему на меня пялится человек, похожий на студень, а не какой-нибудь Винсент Тотал или, например, Длинноволосый Искуситель?

В итоге, убрав книги, я устала в окно, бесясь про себя, что поесть мне тоже с аппетитом не дали. Ведь стоит только обратить внимание и высказать пару фразочек, сдобренных недовольством, как любитель сбитней усядется ко мне за столик.

Осторожно допив каву, я попросила подавальщика собрать мне с собой недоеденные пирожные. Придется поесть в библиотеке дома, спокойно и без надсмотрщиков.

Уже выходя из кондитерской, я тут же притаилась за стеной, так как узрела знакомый силуэт. Легок же он на помине!

Винсент, с аккуратной стрижкой на боковой пробор, костюме тройке из светлой ткани и высоких сапогах, выглядел как модель с обложки модного вестника. Молодой человек рассмеялся белозубой улыбкой и, махнув своему товарищу, поторопился вдоль по улице в одно из заведений.

Приняв решение проследить за ним, я вышла из места сокрытия медленной походкой и на должном расстоянии, чтобы не оказаться замеченной, поторопилась за очаровательным созданием, решившим, что не любит меня.

Конечно, это было вполне возможным, ведь из каждого угла мне говорили о посредственности и серости.

Винсент зашел в королевскую ресторацию, громыхнув колокольчиком. Я притаилась возле оконной рамы, заглядывая внутрь. Почти ничего не видела, но сосредотачивалась на его костюме. Как назло, его столик оказался у дальней стены, в одном из залов. Я только смогла рассмотреть силуэты мужских спин и надеялась, что это рандеву не было свиданьем с какой-нибудь очаровашкой.

Ждать его выхода не было смысла, посему я направилась в лавку семян и удобрений. Она находилась в нескольких минутах пути.

Что мне нравилось в Аквалоне, это удобство и небольшие расстояния между интересующими объектами.

Господин Гард, добродушный старик, восхищенный своим видом деятельностью и трясущийся над семенами, не хуже фанатика, встретил меня как родную.

– Виви, давно тебя не было видно.

Невысокий мужчина с добродушным взглядом и длинным фартуком до пола, пожал мне руку как коллеге.

– Я гостила у дядьки в землях Ванн.

– И как тебе? – уже заранее зная мой красноречивый ответ, Гард поджал губы, чтобы подавить улыбку.

– Как изгнание, – пожалала я плечами, не желая вспоминать два месяца холода и физической каторги, – лучше поговорим о наблевшем. Есть ли что-то, что может заинтересовать меня?

– Знал что ты однажды появишься, дорогая, – Гард подмигнул меня, уверенный, что сможет меня удивить и зашел за длинный прилавок из массивного дуба.

В лавке Гарда, всегда было очень чисто. Мужчиной он был чистоплотным и следил за порядком. Каждый отросток, семечка, листик, лежали в своем отделении или мешочке и хранились при определенных температурах. Внутри было уютно, тепло и пахло растениями. Наверно, я могла быть такой же преданной своему делу, как и Гард, копаться в семенах и восторгаться ими как чем-то особенным.

– Я отложил тебе две позиции.

Мужчина надел очки, с чародейским стеклом для фокусировки и потеряв руки, достал увесистую бутылку и мешок с семенами.

– Усилитель роста. Это находка, Вивьен. Укрепит корневую систему, наполнит плод витаминами и минералами, вот только, – палец Гарда завис возле моего носа, – не вздумай переборщить. Не более двух, трех капель. Я пробовал добавлять больше в помидоры. Скажу мягко, их разрывало от объемов.

– Отлейте мне несколько унций, господин Гард. Опробую намедни на баклажанах.

– Одного пузырька хватит надолго, чтобы получить достойный результат.

Я покрутила носом по мешочкам с семенами. Гард не стал мучить меня долгим ожиданием, раскрыл один холщовый и высыпал на руку продолговатые семечки в зеленоватую полоску.

– Опуния опиумная с ароматом спокойствия.

– Звучит двусмысленно, – хмыкнула я, – я вроде как, по плодовым больше.

– Не говори раньше времени. Я пока ее не использовал, но семена нужно посадить в горшок, пару раз полить. Комнаты наполнит аромат умиротворения и неги.

Мои брови молниеносно взлетели вверх. Это хорошее дарение дедуле для кабинета. Ему не хватает немного расслабить мышцы лица, а то постоянное напряжение плохо влияет на организм.

– Беру! – я потеряла ладони друг об друга. – И положите мне немного семян террийской репы. Она самая сладкая и в салат добавить самое то.

Гард довольно растекся в улыбке. Я тоже источала хорошее настроение. Деду дарение прикупили, осталось Агнесс, моей обожаемой тетушке. Пора разнообразить ее жизнь чем-то новым.

Распроставшись с садовником, я еще успела забежать в бюро находок, оставила запрос по пропаже сундука и не смогла остановить себя, чтобы не заехать на ферму питомцев.

Заводчица уверила меня, что новый друг дома, сможет растопить самое закрытое сердце. Я сделала заявку на кутью (собаку) и обещалась забрать небольшое животное прямо перед днем воплощения Агнесс. Заводчица уверяла, что я делаю правильный выбор.

Кутья, по имени Орешек, оказался милым гладкошерстным созданием, облизавшим мне лицо и приятно засопевшим на ухо. Даже я, не любительница мохнатых друзей, умилилась. Животное смотрело в мои глаза преданно и словно бы умоляло забрать его. Также на меня смотрела и заводчица, уговаривая забрать Орешек сегодня, но я должна была обсудить этот момент с дедулей, чтобы потом не стать виноватой.

Умотавшись по Аквалону, я направилась домой. Настроение было приподнятое, несмотря на то что утро я провела с Агнесс.

– Вам просили передать, госпожа Вивьен, что госпожа Аманда ожидает вас у себя.

Бенедикта взяла покупки и под моим строгим наблюдением, положила их возле трюмо.

– Я совсем про нее забыла, – выдохнув, я неторопливо потащила наверх, в темную обитель прабабки.

Несколько лет назад, Гордон, ее сын, принял решение отселить ее в башню флигель, подальше от всех, аргументируя это решение тем, что там больше света и воздуха. На самом деле, бабка умело доставала всех своими причудами и посему ей, можно сказать, отрезали выход вниз.

Старый человек не находится по лестницам. На это и была ставка.

Только Аманду было не остановить. На трапезы она частенько спускалась, если не засыпала от любимых настоек, которые она нетерпеливо поглощала. Сонная дурь, ягода вульфы, красная красавка, давали ей успокоение на некоторое время.

Бабка не знала меры. Ни в чем. Никогда не помнила, когда ела последний раз, поэтому за ее рационом следила прислужница Тита, смурная девушка, без единой улыбки на лице. Конечно, попробуй сутками побыть с маразматичной старухой и самой не чокнуться!

Покои Аманды я называла пещерой духов.

Темное пространство, с не пропускающими свет неподъемными занавесями, скрипучими полами и блеклыми световыми кристаллами, пугало своей необычностью.

Вместо комнаты ужасов, сюда можно было водить посетителей и брать пару лари за вход. Будет страшнее, чем в музее, напичканном муляжами.

Возле запыленного окна, которое прабабушка не разрешала мыть, стояло кресло-качалка, стол, служивший для трапез и чтения книг, и похоронная урна в синих лентах, подготовленная лет двадцать назад на случай кончины.

К слову, Аманда книги не читала, зато просила каменную на эмоции Титу зачитывать до дыр роман «Наказанный и преступник», «Перевал в грозу», от которых Аманда пускала слезы, и произведение с эротическим контекстом «Имунэль».

Собравшись с силами и натянув на лицо благодушие, я вошла внутрь покоев. Стоял резкий запах лекарственных капель и красавки. Видно, Аманда бахнула недавно свое зелье и упоенно о чем-то говорила с Титой.

Облегченно вздохнув и порадовавшись бабкиному хорошему расположению духа, я медленно подошла к ней, кивнув сиделке. Мол, иди, я недолго посижу с любимой бабушкой!

– Бабуля, – присев на корточки, я взяла изрезанную морщинами руку в свою. На пальце сверкнул размером с яйцо голубеи, аметист.

– Вивьен, эти сволочи отправили тебя на смерть.

Глаза Аманды увлажнились. Женщина расчувствовалась. Я же порадовалась, что меня не перепутали ни с кем из родни и пожалели. Бабка оказалась в этой ситуации, самой вменяемой из всех.

– Вы правы, хотели, чтобы я околела там и сгнула.

– Что же ты такая сутулая, дорогая?

Поперхнувшись от вопроса, я сделала вид, что очередной выпад не смог обидеть меня.

– Это земли Ванн сгорбили меня. Там хочешь не хочешь, вся скукожишься.

Старческая рука погладила меня по непослушным кудрям.

– Как вы, бабуля?

Женщина театрально вздохнула. Бесцветные глаза, с бледным оттенком голубого взглянули в мутное окно, словно разглядывали пейзаж, хотя кроме грязи, там невозможно было что-то увидеть. Аманда не разрешала самовольничать на ее территории.

Ранее, видя ее портреты в молодости, она казалась мне не лишенной нежных, даже красивых черт. Голубые волосы роскошной шевелюрой ниспадали по плечам, изящные плечи и милая улыбка, создавали образ добродушия и терпимости, но это был лишь образ.

Аманда всегда была непростой, любила флиртовать и набивать себе цену.

Спустя десятилетия, когда она почти лишилась возможности нормально мыслить, вместе с рассудком, ушла и молодость, оставив крючковатое сгорбленное тело, с седыми жесткими волосами и блеклыми глазами. Зато эпатаж никуда не делся. Аманда любила выглядеть аккуратно и красиво, даже несмотря на то, что сидела почти все время у себя в покоях.

В хорошую погоду она выходила на большую террасу, соединенную с ее комнатой, где в клетках с металлическими прутьями проживали голубеи. Бабка любила с ними говорить и кормить кормом. Еще она обожала стоять у высокой балюстрады и смотреть вдаль.

– Не буду отрицать, что плохо. Как можно так не любить свою мать?

Женщина закусила губу, тут же вживаясь в роль жертвы.

– Думаю, вы преувеличиваете, – я поднялась с корточек и уселась на стул напротив нее, мечтая не играть в этот спектакль, но было уже поздно. Аманда только начинала. – Гордон любит вас больше всех на свете.

– Ты пытаешься меня успокоить, дитя. Они все исчадия с низших миров. И Агнесс тоже.

– Вот с последним утверждением не поспоришь. Ваша внучка и правда, своеобразная особа.

– Но только не Андромеда. Она понимает меня.

– Не скажу, что согласна, но вы в этом вопросе более подкованы.

Я закусила язык, чтобы не вступать в полемику. Обе сестры были интересными натурами.

– Напомню вам, что у Агнесс скоро день воплощения, – удовольствие от события, наполнило мой взор, – вы приготовили дарение, бабуля?

– И не собиралась, – женщина поджала губы. – Жаль, в свое время Гордон не настоял, и ее не отправили обменяться чашами повторно. Может, из этого что-нибудь, да и вышло.

– Сложно сказать, – пожалала я плечами, – Агнесс из тех типов людей, которых выгоняешь за дверь, а они лезут в окно.

Аманда пожевала нижнюю губу, шмыгнув выразительным носом.

– Никогда не прощу Гордона, что не дал мне обменяться брачными чашами снова, после смерти моего супруга.

Началось!

Я закатила глаза.

– Он хотел сделать как лучше.

Эта тема начиналась всегда, стоило Аманде найти в закромах своей памяти воспоминание о том, как двадцать лет назад, она вдруг снова решила пойти под венец с каким-то странным типом, явно мошенником, причем на два десятилетия ее моложе.

Гордон тогда сделал все, чтобы избавить семейство Стейдж от этой напасти, после чего Аманда затаила обиду на всю оставшуюся жизнь и при любом случае напоминала о тяжелой женской ноше.

В шестьдесят пять лет женщина должна была думать о высшем, а ее тянуло на мужчин, как ненасытную гурию. Причем на молодых и прытких.

Не дав бабке развить эту тему, я радостно хлопнула в ладоши.

– Вернемся к теме праздника, бабуля. – Я подмигнула, – дарение я уже заказала, но и придумала то, что можете сделать вы.

– Я на эту кочергу в сутане не потрачу и лари, – гаркнула очень звучным голосом женщина.

– И не надо, зачем же тратиться?

Аманда смотрела на меня почти внимательно, плотно поджав намалеванные розовой мазилкой губы.

– У вас есть такие хорошие товарищи, а какие музыкальные. Всем бы такие таланты!

– К чему ты клонишь, дитя?

– Пара композиций на музыкальных инструментах в честь праздника, будет лучшим дарением. Уж кому-кому, а мне известен ваш профессионализм. Вы чудесно владеете треугольником, а господин Амон великолепно владеет трещоткой.

– Есть еще Мелоди.

– Конечно, как я могла забыть госпожу с гусями. Ваше трио удивительно подковано в музыкальных увертюрах.

Бабка задумалась, слегка задрав подбородок.

– Это будет ваш триумф. Разве будет плохо вспомнить ноты и показать свое мастерство?

– Это неплохо, придется потренироваться.

Я закусила щеку, чтобы не рассмеяться. Хотелось бы увидеть лицо дедули, когда она послушает этот концерт, где все ноты будут не попадать в такт.

Если мне не изменяла память, госпожа Мелоди была такая же глухая, как и два остальных музыканта.

– Ладно, но пойду тебе на встречу, в случае если ты принесешь мне настойку красной красавки. С ней мои сосуды не так беспокоят.

Так и знала, что будет какой-то подвох!

Прекрасно же знает, что такой препарат могут разрешить только лекари.

– Но, – протянула я, подбирая верные слова, чтобы прийти к какому-нибудь решению.

– У сына есть. Он не дает мне ее, но я обещаю, что буду осторожна с дозировкой. Тита отследит.

– Раз не дает, значит, беспокоится о вашем здравии. Красавка не безвредна.

– В общем, ты поняла меня. Либо красавка, либо ничего. У меня нет шибкого желания поздравлять Агнесс. Она ненавидит меня и желает смерти.

– Я подумаю, бабуля.

Эту аудиенцию пора заканчивать.

– И книгу сказаний Мореля.

– Перестаньте торговаться! – рявкнула, чтобы усмирить женщину.

– Ты единственная в доме, на кого я могу положиться, помни это.

Покинув комнату женщины, я еще некоторое время стояла возле лестницы. Дышала потоком свежего воздуха после того, как надышалась парами лекарств.

Так я и знала, что Аманда начнет манипулировать. И умеет же! Назвала меня самой вменяемой, ну и как не помочь ей с настойкой?

С мыслями про поздравительный план, я переоделась в клетчатое домашнее платье и упросив Эдмунду принести обед мне в библиотеку, уселась изучать новые издания и старые фолианты, с намерением применить удобрение для баклажан. Уж больно я любила их фаршированными мясом вака с острым рисом и перечным соусом.

Нацепив на нос очки из черепаховой оправы, я погрузилась в изучение, наслаждаясь тишиной и спокойствием. Мерное тиканье часов успокаивало, как и тарелка с горячим обедом. Сладкий батат в сметане и сыре, навевал чувство заботы и тепла.

Вздыхнув, я откинулась на спинку стула, держа в руках дымящуюся кружку чефира с брусничными листьями и молоком.

В голове зрели идеи по поводу скрещивания кабачка вида белогор и тыквы. Гибридизация меня прельщала. Эксперименты, правда, далеко не всегда удавались, но желание было сильнее.

Читая труды выдающегося селекционера Терона Мендозы, проживающего несколько десятилетий назад в плодородных землях Терры, я много подчеркнула для себя. Главное – не торопиться, не перебарщивать и не делать резких движений. Ну и не скрещивать невозможное!

Потерев переносицу, я решила отложить мой поход в парники на завтра. День, итак, был насыщенным на события.

Оглядев библиотеку скучающим взглядом, я мимолетно осмотрела полки, длинный удобный стол, софу и кресла. Ну, и конечно же, парочку портретов.

В центральной части, как мастодонт, красовался портрет деда. Мужчина был изображен в полный рост с сомкнутыми губами и полным желанием приказывать взглядом. Чуть правее, намного меньше размером, изображался дуэт моих родителей. Алистер и Ванесса. Женщина умерла, спустя пару лет после моего рождения, от острого приступа горячки. Ее я не помнила, но часто думала о том, как сложилась бы моя жизнь, если мать была в моей жизни. Я была на

нее похожа. Мне так казалось, но черты девушки казались более выразительными и притягивающими, как и серебристого цвета волосы.

Решив не впадать в хандру не очень приятными думами, я покинула библиотеку и замерла у лестницы, узрев силуэт, стоявший спиной ко мне.

Что-то знакомое было в широких плечах и длинных темных волосах, забранных лентой в хвост.

Нехорошее предчувствие, как ядовитый иылан, скользнуло по горлу как удавка.

Не может быть!

В момент моего ужаса, пока я смотрела в стекла своих очков, до невозможности вылипавшись, человек повернулся и нахмурил левую бровь.

По его лицу проползло что-то похожее на узнавание.

– Вы?

Глава 4

Проводя логическую цепочку, я молчала, пытаюсь сопоставить факты, и пришла к умозаключению, что этот заносчивый каюн, некто иной, как А. Редвил, человек, с которым мы перепутали дорожные сундуки.

Мне бы обрадоваться, что мои вещи со всеми моими драгоценными книгами нашлись, но я почувствовала слабость в ногах и нашла поддержку в перилах лестницы.

Радоваться было нечему.

Этот безнравственный представитель мужских особей, открыл мои вещи и смог рассмотреть там все мои тайны, начиная с компрометирующих меня изданий и заканчивая укороченными шёлковыми панталонами.

Я прочистила горло, слегка откашлявшись, и натянула на лицо маску, источающую флюиды спокойствия и манер.

– Вы В. Стейдж?

Бархатный баритон, грудной и притягательный, опалил мою кожу. Непроизвольно я зарделась, уловив во взгляде голубых глаз насмешку.

– Все верно, – что-то наподобие улыбки коснулось моего искривленного рта, – а вы А. Редвил?

– Вы очень проникательны, госпожа Стейдж. Безошибочно сплели канву понимания.

Ох уж эти эпитеты!

– Практикуетесь в эпистолярном жанре?

– Простите? – бровь молодого мужчины снова взметнулась вверх. Я произвольно отметила, что он похож на главного героя новинки Эдерики Нейл, изображенного на иллюстрациях.

Сморгнув, я откинула от себя нездоровое видение, которое просилось развернуться полным образом в моей голове.

– Забудьте!

По-господски я спустилась по лестнице, задирая подбородок.

– Давайте обменяемся вещами и дело в сторону. Уверена, вы торопитесь по своим очень важным делам.

– Уже не тороплюсь, – мужчина нагло сложил руки на груди. В глазах плясали смешинки, но сам образ был до чертиков серьезный. Словно передо мной стоял мой дед в молодости и готов был изрыгать из себя умные словечки. – Первый раз со мной случилась такая незадача. Не ожидал, что приеду в столицу с чужой поклажей.

– Наверно, не стоило быть таким надменным.

– Простите?

– Что вы все время переспрашиваете, делая вид, что не понимаете? Ваш высокий лоб говорит о начитанности.

Молодой человек снова повел бровью. Идиотская привычка, выражающая к оппоненту непочтение.

– Забыл, что у вас выработанное умение читать по лицам. Научились, благодаря вашим книгам, которые вы предпочитаете? Не ожидал встретить такую коллекцию второсортного романа.

Волна стыда обожгла мое лицо и шею с такой силой, что на миг мне почудилось, что я воспламенюсь.

Он лазил в моих вещах! Извращенец!

– Что я предпочитаю, вас не касается, это во-первых! А во-вторых, вы мало понимаете в современном чтиве. Наверно только и делаете, что учитесь колкостям и искромётным фразам, чтобы унижить женское достоинство. Этакый женоненавистник, прикидывающийся умником!

– Какая пламенная речь, – улыбнулся А.Редвил, – если вы все высказали, то прошу принести мои вещи, а я верну вам ваше царство беспорядка и хаоса.

Я подошла к мужчине ближе, сокращая между нами расстояние до неприличия.

Плевать!

– Прежде чем судить, знали бы, откуда я держала свой путь, тогда бы не бросались искромётными фразами. – Ухмылка коснулась моих губ, пока я впечатывалась своим стопроцентным зрением (благодаря очкам), в лицо мужчины. Он был красив, как назло! – Знаете, я тоже не удержалась от возможности ознакомиться с королем перфекционизма. Где вас так научили складывать вещи?

– Уверен там, где меня учили, не смогут научить вас, а на аккуратность не жалею.

Мы на секунду замерли, сверля друг друга взглядом. Казалось, мои глаза разного цвета удивили мужчину, и он подыскивал колкие фразы, чтобы огорошить мое самолюбие.

– Адам? Добро пожаловать!

Наши взгляды друг на друга завершил дед, резко появившийся из коридора.

Адам?

Я сделала шаг назад. Виртуозно быстро и даже не оступилась. Осознание ударило по мне как пыльным мешком с семенами.

Адам Редвил? Какой ужас!

Боги просто решили посмеяться надо мной, как и всегда.

Пока я стояла в прострации, хлопая глазами и дышала через раз, мужчины по теплому обнялись и похлопали друг друга.

– Господин Стейдж, очень рада встречи с вами. Мой дядя передавал вам самые теплые приветствия.

– Взаимно, – лица деда коснулась вежливая улыбка. – Добрался без происшествий?

– Можно и так сказать, – уклончиво произнес Адам, даже не посмотрев в мою сторону, – некая проблема с багажом, но все уже решилось.

– Что случилось?

– Перепутали сундуки с одной особой. Дама оказалась с гонором, но все обошлось.

Гордон для приличия помотал головой из стороны в сторону.

– Да уж, развелось недотеп на нашем веку, не пересчитать.

Я сглотнула. Показалось так громко, что услышали в центре города.

Это просто омерзительный человек!

– Ты познакомился с моей внучкой? Вивьен, моя наследница и гордость.

Что? Что? Гордость?

Откуда такая всколыхнувшаяся любовь к чаду?

Кое-как справившись с желанием оторвать у Адама Редвила что-нибудь жизненно важное, я вторично задрала подбородок, изображая упоение новым знакомством.

– Мы перекинулись парой фраз. Составляли понимание друг о друге. Знаете ли, при-сматривались!

Гордон Стейдж посмотрел на меня как на свою мать Аманду. Как на полоумную.

– Именно так, – решил поддакнуть Редвил.

– Ты устал с дороги. Оставим дела до завтра, а пока Эдмунда покажет тебе твои покои.

Вечером соберемся всей семьей на трапезу.

– Как скажете, господин Стейдж.

– До встречи, госпожа Вивьен.

Мой рот скривился, пока молодой мужчина поднимался вверх, в сопровождении носильщиков и главной прислужницы. С моим сундуком.

Дед молчал, пока важный гость не исчез за поворотом, а потом встал как солдат, напряженно зависнув перед моей врождённой низкорослостью.

– Вивьен, надеюсь, ты будешь ниже воды, тише травы, дорогая. Не вздумай опозорить меня. Если забыла про манеры, повтори «Благочестивый кодекс леди». Я попрошу Эдмунду тебе его принести.

– Это все наставления?

– Будут еще, если устроишь какой-нибудь кавардак.

– Отправите меня в ссылку пожизненно?

– Рассмотрю это предложение на досуге с разных сторон, в таком случае.

Я вспыхнула. Беспристрастное лицо деда, как всегда, не выражало ничего. Зато ощущение что надо мной парит тиран, не покидало.

Я хлопнула глазами, словно дурочка.

– Конечно, не стоит вам переживать.

Схватив Гордона под руку, мы стали подниматься по лестнице.

– У меня есть к вам небольшой разговор. Уделите свое внимание, чуть позже?

– Надеюсь, это не просьбы по посадке овощей гигантов? Я уже сказал, что мы этим промышлять не будем.

– Нет, маленькая просьба, касающаяся праздника дражайшей тетушки.

Гордон Стейдж вздохнул. Его молчание было красноречивее всех слов.

Пусть идет, гадает, что я там придумала.

Зайдя в свои покои, я срочно попросила Бенедикту вызвать кого-нибудь, чтобы отнесли сундук Редвилу, а мой вернуть.

Пока это все проделывалось, я нервно заламывала себе пальцы и остановилась у напольного зеркала, смутившись.

Волосы непослушными серо-голубыми кучеряшками торчали в разные стороны, как у чокнутого профессора, здоровенные очки в пятнистую оправу, заполнили собой половину лица, зато подходили к платью в здоровую клетку. Оно было голубым, но рисунок охрово-коричневый. Для дома и посадки, самое оно. Удобное, дышащее и приятное к телу.

Но все это вдруг стало смущать.

Возможно, я решила повзрослеть? И это проявлялось в неприятии себя.

Ведь мне раньше, было абсолютно все равно на наряды.

Чертыхнувшись про себя, я выкинула из головы дурацкие мысли.

Меня все устраивало.

Наконец, мой сундук вернули.

Выгнав Бенедикту, я застыла возле него и дрожащей рукой открыла крышку.

Несколько секунд не дышала.

Сначала обрадовалась, что драгоценные издания оказались на месте, а потом напряглась. Пара книг, вытащенных с низа дорожного товарища, выглядели из ночной утепленной сорочки и платья из ситца.

Он все же ковырялся в моих вещах.

Развратник!

До вечера я не высунула из покоев носа. Мне было стыдно, обидно и неприятно.

Этот человек намеревался жить в моем доме минимум две седмицы.

Я два месяца выживала в вечной мерзлоте и только обрадовалась, что заживу дома, катаюсь как сыр в масле, снова вступаю на путь с препятствиями.

На вечернюю трапезу ноги не шли.

Я топталась на пороге некоторое время. Надела традиционный синий, сделавшей меня тихоней и наделивший меня унынием.

Возможно, если бы был другой фасон платья, то мне бы пошел этот цвет, но наряд казался чудным и каким-то детским.

Другим он и не мог быть, по причине того что это платье не брала носка. Выглядело оно как новое, не считая нескольких зацепок и катышек на рукавах.

Из столовой доносились приглушенные голоса и ароматы ужина.

Было понятно, что Гордон Стейдж, покажет себя истинным гурманом, с изысканными манерами.

Набравшись смелости, я зашла внутрь, с беззаботным выражением лица и извинившись за задержку, уселась на свое место, напротив Агнесс.

Удивило еще то, что к трапезе спустился незванный гость, в лице бабки Аманды. Она как чувствовала, что засыпать рано не стоит.

Это меня порадовало и взбодрило.

Адама Редвила посадили рядом с Агнесс. Пришлось делать вид, что я его не замечаю. Зато Аманда уселась рядом со мной, по правую руку от деда. Отец игрался столовым ножом чуть в стороне, смотря в одну точку. То ли перекурил, то ли наоборот. Взгляд был пустым и отрешенным, а еще полным отчаянья. Конечно, кому был приятен столичный хлыщ, которого дед ставил умнее всех нас чокнутых.

– Энрике, – вдруг выдала бабка, разодетая к трапезе. Поверх грозового оттенка бархата, женщина накинула шаль из ангоры, чтобы кости не мерзли, – где же ты был так долго?

Я закусила язык так сильно, с усилием пытаюсь не рассмеяться в голос.

Аманда пристально смотрела на нежеланного гостя, глазами полными страсти и любви.

Гордон Стейдж кашлянул в кулак.

– Как ты мог меня бросить, мой возлюбленный?

Агнесс закатила глаза, сдерживая желание разразиться молитвой, пока я терла нос, справляясь с подступающими смешками.

Зато выражение физиономии Адама Редвила было безукоризненно спокойно.

– Все в порядке, – улыбнулся он деду, – я был в местах не столь отдаленных.

– Прошу нас простить, Адам. Матушка порой бывает не в себе. Возраст дает свое.

– Молчать! – гаркнула Аманда со всей свирепостью, что зазвенел изысканный фарфор, который достали специально для гостей. Тонкое кружево рисунка наполняло стол филигранностью. – Я никогда тебя не прошу Гордон, посему, молчи. Раз Энрике пришел с того света чтобы навестить меня, ты не будешь вмешиваться, как тогда с Андром Виниром.

У деда не дрогнул ни один мускул, только правая скула покраснела как от пощечины.

Я вздохнула, стараясь не поднимать головы. Ситуация становилась все более щепетильной. Сейчас Аманда раскроет все секреты семейки Стейдж и Редвил отбудет в столицу с рассказами дядьке, что лучше он бросится под дилижанс, чем будет вести совместные дела с этими звездонутыми.

– Бабушка любила, когда Энрике пел ей лиричную мелодию из партии «Твой лик, словно луч в темноте». Не желаете ли до конца, порадовать госпожу Аманду? – я уперлась глазами в Редвила. Мужчина молчал, пронизывая меня голубизной своих беспристрастных очей.

Дед готовился раздавить меня как вошь, но только сжал в руках сильнее вилку.

– Не обращай внимание, Адам, – Гордон вздохнул и попросил Титу увести мать к себе наверх. Женщина пронзила всех уничтожающим взглядом и вышла.

– Не к столу будет сказано, да при гостях, – начала Агнесс, – но Вивьен, отстояв песнопение, не осталась на исповедь, отец.

Вкуснейший лосось, сразу же встал у меня поперек горла.

– Возможно, мне было нечем делиться дедуля, посему я пропустила минуты откровений, чтобы не занимать время Апостолуса. Уверена, ему было кого послушать.

Дед посерел. Агнесс вздохнула, покачав головой.

– Тетушка, вы можете говорить, что думаете. Не стоит держать в себе эмоции. Это вредно, да и молитва не спасет от горловой варанги.

Адам Редвил кашлянул.

– Уверен, можно отпустить подробности при дражайшем госте, – отрезал Гордон.

Улыбка, предназначенная деду, была испепеляющей.

– Думаю, что господин Адам уже почувствовал себя у нас родным человеком. Семейство Стейдж, считается в Аквалоне самым гостеприимным.

Вы скоро совсем привыкнете к нашим причудам.

Редвил снова закашлялся.

– Вивьен, ты не голодна? – спросил дед, явно еле сдерживаясь.

– С чего вы взяли, дорогой мой дедушка? – пожалала я плечами, – обожаю лосось, да и кряквы в рыжиках прелестны. Кстати, господин Редвил, вы любите рыжиков, а крякв?

– Предпочитаю рыбный мир, за безмолвие и тишь.

Подлец!

Дед снова кашлянул, а за ним вторил Адам.

– Господин Редвил, неужто вы подхватили простуду в пути?

– С чего вы взяли, госпожа Стейдж?

– Вы постоянно покашливаете.

Редвил посмотрел на меня в упор. Ему явно надоедал мой лепет. Конечно, если он обожал молчаливых существ, как рыбы.

– Нет, все в порядке. Спасибо за заботу!

– Или у вас нетерпимость к холодным месяцам? Если что у меня есть настойки, помогающие переживать этот период более безболезненно.

Мужчина пронзил меня искрометной улыбкой.

– Если такое случится, я попрошу у вас помощи.

– Пожалуйста, только не терпите. А то многие представители мужского пола много терпят, стараясь показать свою силу, а потом быстро чахнут, как маленькие мотыли.

Ответить Адам не успел. Дед шустро перебил мою речь, тихо бесясь.

– Алистер, что с цитрусовыми? Ты говорил, что ездил по лавкам и ярмаркам? Есть ли у нас конкуренты?

Отец словно вышел из спячки.

– Не были замечены. У нас лучший товар и цены, – отмазался мужчина. Я сразу поняла, что он нигде не был. Кутил деньги Гордона Стейджа в пивной или курительном доме за пустыми беседами с другими скучающими господами.

– Господин Редвил, – не унималась я, решив достать беседами мужчину. Дед мигом напрягся и тут же меня перебил.

– Дорогая, дай Адаму покоя. Он голоден и проделал путь. Прошу простить мою внучку, она бывает словоохотлива.

– И любознательна в придачу, – поддакнула я, – но я не об этом. У нас давно никто не гостил и мне интересен новый оппонент по беседам. Вижу, что господин Адам может наполнить струны моего любопытства интересными беседами. Тем более, плодовые – это то, что нам интересно обоим.

– Не совсем, госпожа Вивьен. Я силен в разработках и удачных финансовых схемах, посему господин Стейдж решил объединить наши усилия, чтобы зарабатывать больше.

– Какая жалость, – отрезав кусок лосося, быстро прожевала его, – я прямо-таки была уверена, что мы создадим новый овощной гибрид, который станет хитом в продукции.

– Если у меня будет свободное время, с удовольствием послушаю ваши плодовые изыскания, а может быть и что другое. Что-то мне подсказывает, что вы кладёте знаний и секретов.

Я манерно рассмеялась. Как госпожа. Жаль не было веера, прикрыть рот и начать обмахиваться от смущения. Агнесс зыркнула на меня как на ужас, летящий на крыльях ночи.

– Да, Вивьен может удивить, – в защиту встал мой отец, – она всегда была дотошной и пытливей. Так что, господин Редвил, не оставляйте вещи на виду. Если моей дочери что интересно, она обязательно залезет и найдет.

Алистер рассмеялся на всю столовую, но больше его никто не поддержал.

Совсем свихнулся? Или перекурил?

– Благодарю за наставление, господин Стейдж, постараюсь не забывать держать ключ от дорожного сундука при себе.

– Алистер вспомнил времена детства его дочери, – вдруг решил объяснить Гордон, – она давно выросла и занимается взрослыми делами.

– Уверен, это так, – на губах Адама заиграла улыбка. Темно-синий пиджак прекрасно гармонировал с его голубыми глазами. Можно было бы залюбоваться, но нутро, источающее самоуверенность, портило всю картину. – Кстати, какие книги предпочитаете, госпожа Вивьен?

– Молитвослов, – брякнула Агнесс, вообще не в тему и посмотрела на меня как бешеная врана, готовая клевать, – завтра будем переписывать, дабы исповеди были расположены на отдельных страницах.

– Ну уж нет!

С этим я не собиралась мириться. Пусть сама пишет, хоть днями и ночами.

Гордон поморщился. Я посмотрела на отца, ища защиты, но он боялся полоумную сестру.

– Извините, тетушка, – припомнив манеры, я сделала самое спокойное лицо из возможных, – завтра я полностью занята. Вам придется заняться этим вопросом самолично.

– Я делаю это для тебя.

– Не утруждайтесь, прошу.

Редвил снова кашлянул. Я посмотрела на него ожесточенно.

– На днях приедет Апостолус, намерен провести с тобой беседу.

– Будет изгонять из меня беса? Можете сами его развлекать сколько хотите. Я уеду в Терон, лепить горшки с подругой.

– Закройте рты обе, – отрезал дед, – никому не интересны ваши баталии. Если

Агнесс говорит делать, значит так надо.

– С чего вдруг? Если она вам скажет, дедуля, биться об пол лбом пятьдесят раз, чтобы очиститься от скверны, неужто вы будете делать это? Что-то не вижу на вашем лице желания уходить в духовность с головой.

– Вивьен, я думаю, ты уже наелась.

Я встала из-за стола, кинув на стол салфетку. Бесцеремонно.

– По горло, аж кости лосося застряли поперек.

Агнесс вся кипела, как и дед. Плевать! Сидят, занимаются какой-то ерундой и командуют.

– Думала пребывание в землях Ванн исправит тебя, но ошиблась, – забила последний гвоздь тетка, вся нахохлившись и почернев.

– Поверьте, я надеялась, что вы тоже обретете покой. Жаль, но я ошиблась.

На деда я побоялась взглянуть. Оттенок его кожи был зеленый, переходящий в фиолетовый. Хотелось верить, что его не хватит удар.

– Прошу меня простить и приятного аппетита, – добавила я, снова вспомнив про манеры, – поешьте десерт. Готовят его исключительно вкусно.

В своей личной комнате, называемой покоями с определённым смыслом, беспокойство охватило меня с головой. Я металась по ним, заламывая себе пальцы и тихо бесилась.

Тетка знатно перегибала и вместо того, чтобы держать свой рот на замке или читать молитвы, выставляла меня идиоткой перед гостем и всеми.

На десятый круг моего хождения по пушистому ковру, ко мне без стука зашел Гордон Стейдж.

Дед вырос в моей комнате как статуя божества войны, с накинутым поверх жилета кобальтового цвета пиджаком.

– Я попросил малость, всего лишь не позорить меня. Не думал, что для твоих мозгов моя просьба стала такой непосильной ношей.

В момент я окрысилась, но сдержала порыв разораться. Все-таки чему-то научилась под крылом у деда.

– Не знала, что поддержание бесед с Адамом Редвиллом, является плохой затеей. Вы бы предупредили, что я должна молчать как немая, а не быть гостеприимной и открытой.

– Твой выпад показал истинное лицо семьи Стейдж.

– Что мы шизанутые?

– Прошу не выражаться такими фразами, ты не на блошином рынке.

Гордон Стейдж поморщился.

– Твоя перепалка с Агнесс, выставила нас дураками, Вивьен. Ты могла просто промолчать, а не выказывать свою неприязнь прилюдно.

Проглотив комок в горле, я подавила вздох. Если сейчас разойдусь бранью, дед встанет на сторону дочери и никогда не будет меня слушать.

– Прошу меня простить, – не смогла придержать свое волнение. – Я подняла на деда взгляд, полный сожаления. – Завтра я собиралась заняться любимым делом. Соскучилась по грядкам до душевных мук. Вы же понимаете, что Агнесс перегибает. Она заиклилась на мне и не дает свободно вздохнуть. Как же мне тогда мелькать в кругах, общаться? Я так же, как и она, останусь никому не нужной старой девой, а вы, уверена, хотите наследника.

Замолчав, я опустила взгляд. Осталось выдавить пару слезинок для завершения сцены. Конечно, ни на какой обмен брачными чашами я пока не собиралась, если, конечно, моим суженым не окажется Винсент Тотал.

– Тем более, как вы смогли увидеть, я была настроена благосклонно к гостю. Пусть меня немного понесло, но я старалась.

– Я поговорю с Агнесс, чтобы она не дергала тебя, пока мы идем на сближение с Редвилами, но и ты будь добра, оказывай нужное внимание нашему гостю и будь к нему вежлива и терпима. И без глупостей!

Почувствовав удовлетворение от того что дед клюнул на удочку, я очень понимающе кивнула, бесясь про себя. Еще мне Редвила не хватало развлекать!

– Конечно, я буду стараться занимать его свободные минуты, чтобы он не заскучал, как скажете. Но прошу вас, отвадьте от меня Агнесс с ее проповедями.

Подойдя к Гордону Стейджу, я взглянула в его голубые глаза.

– Она старается для тебя.

Сам-то хоть поверил, что сказал?

– Конечно, просто дайте ей понять, что мне тоже нужно немного личного пространства для работы. Вы сами прекрасно осознаете, какой вклад я вношу в нашу прибыль.

Стейдж промолчал. Прекрасно понимал, что я права. Я следила за плантациями, занималась рассадкой и вывела пару новых видов фруктов.

– Я хотела попросить вас наперед, пойти мне навстречу. – Отойдя от деда, я прошлась по своим покоям, бегло просмотрев, все ли убрано, дабы родитель не стал журить меня за беспорядок, – милый ласковый питомец, сможет растопить сердце женщины. Я уже съездила в заповедник и выбрала милую кутю. Так и вижу, как тетушка будет заботиться о нем. Так можно мне сделать такое дарение?

Дед поморщился, словно съел дольку лимона.

– Я всегда был против животных дома. Не думаю, что Агнесс будет в восторге.

– Нам всем не хватает тепла, – мое выражение лица было умиленным, – позвольте мне подарить ласковое создание. Мне что-то подсказывает, что мы будем в восторге от нового члена семьи.

Гордон Стейдж замер, всматриваясь в меня как в очередное недоразумение, случившееся в его жизни. По его лицу можно было прочесть факт, что все его достали.

– Я обдумаю и сообщу.

Дед достаточно стремительно покинул комнату. Видно, его достал этот разговор.

Я потеряла руки. Даже если не даст согласие, молчание можно выдать за положительный ответ.

Следующий день я начала с того, что укрылась на грядках, дабы не встречаться ни с кем из родни.

Мне нужен был покой и заземление. Две эти важные вещи я могла получить только среди овощей и плодовых деревьев.

Внутреннее состояние можно было назвать крайне эмоциональным. Еще одна вспышка, и взорвусь.

Посему я прополола грядки с томатами и дала указания помощникам, крутившимся подле меня, опрыскать огурцы от червяков копателей.

Холодные месяцы были не за горами, а эти наглые твари, частенько любили попортить наш урожай.

Спрятавшись за шляпой с большими полями, где от старости солома торчала в разные стороны, я натянула на руки длинные перчатки и принялась за дело.

Особняк нашей семьи граничил с урожайными полями и плантациями чефира, росшего на паре холмов, за которые вечерами уползал Сувар.

На нашу семью работало несколько десятков человек, так как объемы были не малыми. Стейджи не только взращивали овощи в больших количествах, но и плодовые деревья – яблоки, персики, цитрусы, сливы и многое другое. Также дед любил гордиться небольшой вайнидельней, где создавали чудесное красное вайни из нашего темно-синего винограда.

Напиток был недурен, но на меня действовал до странности убивающе.

Один бокал и я хмелела как от бочки. Посему, больше предпочитала гелийский шампань. Мне нравились пузырьки и щекотание горла.

Перекопав несколько грядок с капустой разных видов и кабачками, я напомнила себе заняться гибридизацией в ближайшее время. Хотелось создать что-то поистине интересное и знаменательное. Хотя, что интересное можно было создать из не столь интересных овощей.

Обойдя все грядки и парники и осмотрев их на наличие аккуратности (вот где-где, а в этих местах я понимала только порядок), я сорвала один из томатов и, откусив половину, переговорила с управляющими и садовниками.

По докладу было понятно, что поедающей тли замечено не было, как и наглых саранчей. Все надеялись, что перед холодными месяцами, убытков не будет из-за обжорливых насекомых.

Ближе к обеду, я наконец, добралась до баклажан и с наслаждением откупорила пузырек с усилителем роста, поморщилась от резкого запаха. Пахло компостом и чем-то напоминающим навоз.

Решив опробовать на одном кусте, я замерла с пипеткой в руке, задумчиво почесав губу.

Не мало ли двух капель?

Наверно Гард утрировал, решив, что этого будет достаточно.

Уверенно сдобрив почву шестью каплями, я замерла и добавила седьмую.

Семь, все же, счастливое число и должно было принести удачу.

Я воодушевленно вздохнула и только подняла глаза к особняку, как сразу же уловила знакомый силуэт на втором этаже дома.

Агнесс следила за мной как голодный глиган.

Меня это тут же разозлило.

Я поднялась с корточек и осторожно ступая между листов растений, направилась к тени плодовых деревьев.

Там как раз уместился небольшой стол и лежали книги по выращиванию и удобрениям, за которыми притаился зачитанный до дыр роман Эдерики Нейл «Спящая развратница».

Книгу я считала своим талисманом и всегда брала на рассадку новых грядок. Обожала углубиться в любимые моменты, зачитанные до дыр и подчеркнутые грифельным карандашом.

Барбара, еще одна прислужница из особняка, принесла мне освежающий лимонад, а садовник Тирис, истинный терриец, работающий на моего деда долгие годы, угостил спелой кисло-сладкой вишнэ.

Под персиковыми деревьями блуждал утонченный аромат, навивающий умиротворение и мечты о прекрасном.

Я закинула в рот очередную ягоду и перелистнула страницу «Спящей развратницы». Главная героиня книги, была смелой, характерной и уверенной в себе, пока не попала под чары одной опасной личности. После ночи ласк она укололась об «стержень» этого очаровательного пошлеца и уснула мертвым сном, пока ее не нашел адекватный и серьезный принц и не разбудил поцелуем любви.

«Прикосновение к его чреслам обожгло мою руку. Приятная судорога прошла по коже, и я раскрыла рот, с жадностью желая поцелуя».

Накидав в рот сразу же несколько ягод, я поморщилась, возвращаясь к реальности под дерево. Определенно что-то было не так. Тень скользнула передо мной, заслонив мягкие лучи Сувара.

Передо мной выросла фигура Адама.

Вздрогнув, я захлопнула книгу с такой силой, что сделав кульбит в воздухе, она свалилась возле ног Редвила.

– Что вы здесь забыли?

Церемониться с этим столичным денди, я не собиралась. Если только при Гордоне Стейдже.

Очень медленно взгляд молодого мужчины переключился на книгу.

Я проворно метнулась вниз и схватила издание, чуть ли не проехавшись носом по траве.

– Прогуливался, после рабочих часов с вашим дедом в конторе.

– И во всем Аквалоне другого места не нашли как это? – я подсунула книгу под другие, не компрометирующие меня никаким образом.

– Увидел вас, не смог пройти мимо, – улыбка коснулась лица Адама, – но вижу вы заняты, и далеко не переписыванием молитвослова.

– Смотрю, вы четко вписались в нашу семью, господин Редвил. Вас начинает волновать, чем заняты ее представители. Но боюсь мой ответ заставит болеть ваши уши, не привыкшие к прямоте – это не ваше дело, вам ясно?

Губы мужчины дернулись в еле заметной ухмылке. Он слегка почесал нос и передернул бровью.

Адам Редвил был красивым, знающим себе цену мужчиной и умеющим держать свои эмоции в узде. Я сразу поняла, что его ничем не выведешь.

– С вами я хотел лишь поздороваться, не знаю, что вы надумали в своей милой головке. Хотя господин Гордон дал понять, что вы не прочь провести время в общении. Мне передали, что вам, Вивьен, не хватает интересных бесед с новыми людьми, так как Аквалон, довольно-таки мал, и все друг друга знают.

– Это дед такое выдал? – не удержавшись, спросила я.

Гордон Стейдж совсем спятил?

– Да, – кивнул Адам, – сказал, что вы с удовольствием покажете мне достопримечательности города, как найдете свободное время в своем плотном графике, между огородами и пикантной литературы.

Я снова покраснела, густо, как томат сорта «сердце вака».

Деду тоже не было смысла перечить. Мне приходилось лавировать, дабы быть угодной и получать свои плюшки. Посему я улыбнулась, как мне показалось, как настоящая женщина, а потом вспомнила что выгляжу, скорее всего, как огородная пугалка. В здоровой шляпе, платье цвета старой кукурузы и растрепанной косой. Ну и любимые очки, дополняли несуразный образ.

– Конечно, я составлю вам компанию, господин Редвил. Вы будете в восторге от Аквалона.

– Звучит многозначительно.

Красивый костюм топазового оттенка делал глаза Адама еще ярче и насыщеннее и явно был пошит у одного из лучших портных. Он идеально подчеркивал фигуру, как и сапоги из темно-синей кожи. Долю секунды я любовалась им, представив обнаженным и с распущенными волосами.

Сморгнув, тут же сняла очки, чтобы силуэт размылся.

– Вам не стоит переживать, – махнула я рукой, – наоборот, может понравиться, даже очень.

– Хм, – Адам Редвил, снова взглянул на меня с высоко, будто перед ним сидело какое-то чучело, не являющееся ему ровней. – Вы можете не торопиться, в любом случае я буду занят делами и не намерен растрачивать время зря. Не люблю пустословие и бессмыслицу.

– Не кажется, что сами себе перечите? Стоите тут под персиками и тратите драгоценное время.

– Лишь передал слова вашего деда.

Я растеклась в улыбке.

– Конечно, ему сложно и не нужно перечить, посему, будьте спокойны, мы будем общаться с вами только на самые серьезные темы.

– Доброго дня! – бросил через плечо Редвил, удаляясь по протоптанной дорожке. Я бросила взгляд на его задницу, крепкую и худощавую, и покачала головой. Этот идиот будил во мне тайные влечения, ранее не посещающие мою голову. При этом дико меня раздражал!

Я устрою ему прогулки и общение. Запомнит надолго!

Чтобы не попадаться на глаза к Агнесс, фанатичке со стажем, я быстро прошмыгнула в свою комнату и переделалась в чистый простой ситец с кружевной окантовкой на подоле и изображением миниатюрных редисок, репок и морковок. Гостей мы не ждали, чтобы устраивать дефиле в шелках, а Адам Редвил пусть привыкает!

На кухне стояли ароматы подготовки к трапезе. Дед предупредил Алисинью, стряпчую, что он и гость будут трапезничать в городской ресторации, посему ужин планировали не накрывать в столовой.

Меня это порадовало. Не очень-то и хотелось видеть опостылевшие лица.

Уже поздно вечером, я уточнила о возвращении деда и Адама и решила угостить гостя изысканным вкусом чефира. Заварила листы сама до полноценной крепости и не церемонясь, добавила острого перечника, чуть приправив щепоткой сахара, чтобы голубые глаза Редвила не стали кровоточить.

Нацепив на лицо мину, полную благоговения и заботы, я, подпевая под нос, прошествовала в восточное крыло, между делом, разглядывая стены с пейзажами и ниши с бюстами каких-то там умных людей, про которые читал книги дед.

На самом деле, я надеялась, что этого заносчивого строптивца поселят в северной части дома. Там всегда стояли бодрые температуры. Жаль, но Гордон решил иначе.

Громко постучав три раза в дверь, что от грохота задрожали рамы у картин, я не стала дожидаться пока хозяин опочивальни сочтет открыт, и ворвалась внутрь.

Лицо Адама Редвила можно было описать одним словом. Он казался пораженным.

Сидевший в половину оборота возле бюро, мужчина повернулся, прищурился взглядом. Благо, он оказался не в неглиже, тогда бы вышел конфуз. Наполовину расстегнутую рубашку можно было отнести к приличиям и нормам. Только я опять поплыла, взглянув на кожу, слегка поросшую растительностью.

– Доброго вам вечера, господин Редвил. Что-то подсказывало мне, что вы еще бодрствуете.

Не спрашивая позволения войти и вообще хозяйничать в покоях, я напрямую пошла навстречу врагу с подносом в руках и шлепая каблуками домашних туфель по охающему от каждого шага паркету.

– Как отужинали с дедом? Надеюсь, он сильно не давил на вас? Есть у него такая непоколебимая особенность, как зажимать своих собеседников парочкой твердых фраз.

Уместив поднос на край бюро, я взяла чашку с напитком и поставила ее прямо перед носом, не забыв случайно капнуть на какой-то документ.

– Простите мою неуклюжесть. После прополки томатов, руки часто подводят меня.

– Думал, вы уже видите десятый сон, госпожа Стейдж.

Я ухмыльнулась.

– Проверяю покой дома каждый вечер. Знаете ли, все ли в порядке? Моя переживающая за всех натура не может уткнуться в подушки, пока не будет уверена, что все мирно уснули в своих постельках.

– Если вы не против, я хотел бы побыть в одиночестве после тяжелого дня. По вечерам я не столь хорош в беседах, как может казаться.

А в чем вы хороши, интересно?

– Я и не планировала изнурять вас скороговорками. Я не столь бессердечна, как вам могло показаться.

Развернувшись, я оглядела выделенную комнату. Стены с шелковыми обоями в бледную полоску, огромная картина упитанной дамы, прикрывающий срам легкой тканью, и пушистый ковер. Вполне себе неплохо!

– Здесь недурственно, – добавила я, – давно не была в этой части дома. И кровать, смотрю, хорошая. Вам нормально здесь спится?

Мужчина встал. Глаза блеснули, выражая налет негодования.

– Не жалуюсь.

Ощувив как Адам навис надо мной, высокий и сильный, я постаралась сделать вид, что совершенно не обескуражена его приближением. Перед ним я казалась малышкой.

– Я принесла вам чефир. Решила угостить на ночь.

Метнувшись к бюро, я взяла кружечку и протянула мужчине.

– Делала своими руками.

Окаменев от неожиданности, Адам замер. Носом, прямым и ровным, он непроизвольно втянул аромат, находясь в моменте выбора – послать меня или попробовать, а потом послать?

Его верхняя губа слегка дрогнула в момент, когда он сделал глоток.

– Распробуйте пожалуйста. Вкус трепетный, немного острый и пряный. Я делала как себе. Люблю покрепче.

Все внутри меня плясало как на сковороде с огнем, от вида обезумевших глаз молодого мужчины.

– Нравится?

– Благодарю за старание, госпожа Вивьен, но я не поклонник крепости.

Адам пихнул мне в руки кружку, чуть не разлив на платье с аппликациями овощей, это безумную на вкус бурду.

– Буду знать в следующий раз, постараюсь удивить вас более мягким вкусом.

Я еще раз улыбнулась и застыла у двери. Редвил смотрел на меня как на человека с душевной болезнью, еще и потому что, вглядываясь своим острым зрением в подол моего овощного платья.

– Доброй ночи!

Я вышла из его покоев, не став слушать его пожелания. Дверью хлопнула с такой силой, что во всем доме могла попадать дражайшая живопись деда, висевшая на стенах.

Успокоив свое несусветное желание вредить всем и вся, я спокойно уснула у себя в комнате.

Ночью мне снились кошмары.

Адам Редвил громко смеялся и заставлял меня упиваться вайни, от которого меня мучила непереносимость.

Утром я поднялась в плохом настроении, совершенно не желая никого видеть.

Посадив растение для деда в специально подходящий для его интерьера горшок, я пока оставила его до первых лепестков, понадеявшись, что дарение ему понравится. Гордону, правда, ничего никогда не нравилось.

Достав из ящика стола запрятанный дневник, где все страницы были исписаны именем Винсент Тотал, я вздохнула. Тут же можно было обнаружить голографическую открытку, на которой в половину оборота лучился улыбкой герой моей неразделенной любви. Проведя по пшеничного оттенка челке, я вздрогнула.

В мои покои ворвалась Агнесс.

В платье цвета угля, тетка выглядела устрашающе.

– Утренних визитеров я не ожидаю, тетушка, – сказала сухо и отвернувшись, спрятала дневник в комод.

На удивление физиономия женщины разыграла понимание.

– Твой отец ждет тебя в главной гостиной. Просил позвать.

Мне сразу это не понравилось.

– С чего бы вдруг? Отец спит до полудня, а тут я понадобилась ему для срочных бесед? Вы явно что-то не так поняли.

– На самом деле, помимо его срочности, я бы хотела чтобы ты поговорила с ним. Его походы в непотребные дом скоро приведут к скандалу.

Раздраженно пройдя гребнем по непослушным кудрям и чувствуя тонкий подвох, я уселась у фолиантов.

– Не кажется ли смешным сей факт, что я как дочь должна его наставлять?

– Можно просто попробовать. Вы одна кровь.

– Раз у вас не получилось, то у меня подавно.

Тетка поморщилась. Бледное как сукно лицо, слегка порозовело от плохо скрываемого негодования.

– Прошу один раз.

Я задрала подбородок вздохнув.

– Не вопрос, только больше никаких походов в молельный дом и намеков о переписи молитвослова.

– Как бесчестно торговаться. В тебе говорит богохульство.

Здрав бровь, как Адам Редвил, я взяла тетку на крючок.

– Пусть так!

– Про молитвослов не скажу ни слова, но молельный дом, хотя бы раз в месяц.

– И то, по моему настроению.

Агнесс промолчала. Было видно, что-то задумала.

Не став спорить, я быстро прошла по лестнице и спустилась в гостиную, устланную антиквариатом.

На золоченой софе, с прижатыми плечами смиренно сидел отец. Его лицо красноречиво выражало все что только можно. Раздражение, досаду, желание разораться и послать все к чертям. Но он держался, потому что чуть дальше, в углу притаился главный молельщик Апостолус.

Глава 5

Я возненавидела Агнесс еще больше. Эта коварная обманщица враньем затянула меня с отцом в духовные беседы, о которых никто не мечтал.

Понурые плечи отца, сгорблено покоились на спинке софы. Он терпел что есть сил и своими маленькими как запонки глазами, высверливал на молельщике дыры.

Я застыла в дверном проеме, не в силах пошевелиться. Прислушалась. Эта иылан Агнесс, не последовала за мной, видно, побоялась, что я устрою скандал прямо при его святейшестве.

Апостолус развел руки, как бы приглашая к беседе и пытаюсь показать свое дружелюбие. Полное святости лицо и сутана, оттенка чистейших безгрешных облаков, облегла его живот, выдающий в нем чревоугодие.

Почему-то стало тошно.

– Вивьен, прошу меня простить за столь ранний визит, но меня привели к вам боги. Наставления поутру, всегда хорошо влияют на голову.

Моих сил хватило лишь кивнуть.

Усевшись рядом с отцом впритык, я застыла, снедаемая желанием послать всех в лес по ягоды.

О боги! Где вы, чтобы спасти меня от лап этого человека, готового устроить лекцию нам с Алистером, как самым постыдным людям Аквалона?

Боги молчали, явно занятые более интересными вещами.

Апостолус, расправив сутану, сел.

– Боюсь, я ограничен во времени, – мой отец, как предатель посмотрел на часы, уже готов был подняться, и выйти, но был остановлен властным жестом молельщика, пригвоздившим его к софе, где местами торчали пружины и упирались в разные места, приводя к желанию постоянно ерзать.

– Тебя не устроит, Алистер, побыть со мной несколько минут. – Молельщик вздохнул и слегка откашлялся. Готовился к речи и собирался с силами. – Какая перед нами лежит ответственность, какая перед нами стоит задача, чтобы не пасть перед загниванием души и не встать на путь бесчестия?

Я хлопнула глазами и отец тоже. Его небольшая рука сжалась в кулак.

Это было плохим знаком.

Алистер был миролюбив, но, если его вывести, готов был крушить все и вся. Я вдруг стала переживать за молельщика и антиквариат деда.

– Часто принимать купель и не объедаться? – предположила я, чтобы молельщик быстрее отстал.

Взгляд его был полон терпения. Видно, и не такие ответы он получал на свои вопросы.

– Чистота мыслей и действий.

– Ну да, – почесала я затылок, – как-то сразу в голову не пришло.

– Как не осквернить веру?

Алистер многозначительно вздохнул.

– Быть с рассудком на одной волне.

– В словах есть доля правды, Вивьен.

Отец вскочил.

– Мне, право, неудобно, но покупатель не ждет, дорогой мой Апостолус. Прошу меня простить, загляну к вам намеренно для исповеди.

Родитель выскочил из гостиной как ужаленный.

Предатель!

Мне придется за двоих отдуваться.

– Продолжим, – чуть ли не потирая руки, молельщик откинулся на спинку кресла, принимая удобную позу для часовых пыток. – Где твоя чистота, Вивьен? Где лик, полный принятия и терпимости?

– Я родилась без этих качеств, главный молельщик.

– Все это есть внутри тебя, ты не даешь своей терпимости открыться. Узри истины в себе и не сопротивляйся.

Впиваясь ногтями в обивку, я сглотнула.

– Как ты смирилась с поездкой в мерзлые земли? Ты приняла это.

– С чего вы взяли? Я до сих пор не могу простить тех, кто хотел чтобы я околела от холода.

– Научиться принимать и покоряться! – высокопарно заявил Апостолус. – Смирись с судьбой, данной тебе. Вера твоя внутри, в сердце твой благодетель, который изрыгнет из тебя скверну и злобу.

О боги!

– Может, закончим на сегодня? Я все поняла и чувствую, что смирение нашло на меня. Мне нужно переварить новое состояние.

– Ты выскажи сейчас все что желаешь, очисти мысли, прими себя настоящую.

Перед глазами замигал антиквариат. Пестрые пятна стали давить на глаза. Я потеряла переносицу, чувствуя себя терпилой.

– Вы озарили меня истиной, главный молельщик. Я словно родилась заново.

Позвольте, я уже пойду?

– Я чувствую, у тебя застряло что-то в горле. Выпусти это, не держи.

Грязное словцо на тему, что я думаю по поводу этого утра!

Молельщик, впадая в экстаз, вскочил, неожиданно напугав меня.

– Свет богов научит тебя терпению. Смирись, смирись!

– Да с чем? – вскочила я, не скрывая бешенства. Он такой же больной, как и Агнесс.

– Простите, я не вовремя!

На мое спасение, в гостиную, полную всяких абсурдных вещей и перекошенного фортепьяно, вошел Адам Редвил. Он замер, уставившись на нас с молельщиком.

– Нет! – воскликнула я, что дрогнули тарелки в серванте. – У нас беседа о вреде греха. Не желаете ли присоединиться? Нам нужны свежие мысли на этот счет.

Адам пронзил меня неприкрытым раздражением, но при этом его рта коснулась ехидная улыбка.

– В другой раз. Уверен, эта беседа нужна вам лично, Вивьен. Вижу, что господин молельщик хорошо на вас влияет. Слово сеет чистые семена в благодатную почву.

Гад!

Моей раскрасневшейся физиономии, коснулась тень нескрываемого недовольства.

И тут произошло невероятное.

Видно, боги решили обратить на меня свое внимание, посчитав, что их слуга перебарщивает.

В западной части особняка что-то грохнуло так сильно, что напугало нас троих до чертиков. Звон битого стекла смешался с треском стен и падения предметов. Возможно, это была штукатурка или картины деда.

– Это не к добру!

Оставив замерших гостей, я бросилась по лестнице вверх, перепрыгивая через ступеньки.

Раздался громкий, душераздирающий крик, от которого я похолодела.

Аманда что-то отчебучила?

Но все оказалась иначе. Несопоставимо ни с чем.

Комната Агнесс оказалась открыта нараспашку.

Я зажала рот рукой.

Мои баклажаны, удобренные чудо-средством, превратились в гиганты, и один из них, пробив кусок стены и стекло, полностью занял собой комнату Агнесс. Синий, огромный и блестящий.

Тетка, белая как мертвые, прижималась к стене и молилась. Наверно, молиться было нужно мне, но я закусил язык. Благо никто не знал, что я что-то добавляла.

Гард оказался прав. Достаточно было пары капель.

Если такая жуть творилась на втором этаже, то на первом находился кабинет деда, а значит, такой роскошный урожай, ожидал нас и там.

– Мать моя женщина, – прошептала я. – Что же это такое? Это знак, божественный.

Агнесс, словно вышла из ступора.

– Боги указывают вам путь, обратить внимание на мужчин.

Адам Редвил за моей спиной снова закашлял, а молещик с ужасом, охнул.

Я повернулась к нему.

– Главный молещик, вы тоже уловили в этом знамение?

Апостолус, казалось, потерял дар речи. Все молчали, не зная что сказать.

Баклажан, как неожиданный гость, приковывал внимание.

– Тетушка, вы в порядке? – решила поинтересоваться я, – напугались?

Безумные глаза женщины взметнулись на меня, не скрывая ненависти.

– Это все ты! – заорала Агнесс, держась за грудь.

Не хватало сердечного удара, а то меня изживут с этого места.

Послышались шаги, и в дверном проеме появился Гордон Стейдж. На его лбу высоком и влажном я тут же разглядела испарину. Глаза мужчины, стоило ему видеть овощ, полезли на этот самый лоб от изумления.

– Это все Вивьен! Я чуть богам душу не отдала от ужаса.

Выпрямив спину под острым взглядом деда, я покачала головой, изображая изумление сумасшедшими обвинениями тетки.

– Я прибыла в Аквалон пару дней назад, хотелось бы напомнить. Грядки увидела только вчера, просто прополосала их. Что я могла сделать за сутки, чтобы уродился такой вот гигант? Тем более, дедуля, я давала вам слово, что не буду выращивать ничего подобного.

Дед, казалось, потерял дар речи.

– Я увидела тебя вчера, ты копалась в баклажанах! – Тетка с бешеным выражением лица, еле себя сдерживала, чтобы меня не придушить.

– Обычная поливка, тетюшка.

Сложив руки на груди, я покачала головой.

– Это точно знамение, – Апостолус подал голос, рассматривая лицо замершей тетки. – Агнесс, вам стоит обратить на это внимание. Это знак свыше.

– А я вам что говорю! Боги дают подсказку, раз вы глухи к их воплям, – брякнула я. – Дедуля, у вас тоже пострадал ваш кабинет?

– Нет, все в порядке!

– Вот видите, – решила добавить я масла в огонь, – все не просто так, тетюшка.

– Вивьен, ты точно ничего не делала? – острый взгляд деда просверлил во мне дыру. – Если я узнаю, что ты приложила руку к этому, то пеняй на себя.

Мои щеки предательски покраснелись.

– Дедуля, я еще в своем уме, – развела я руки и вздохнув, выбралась из покоев тетки, целенаправленно ни на кого не взглянув.

В своих покоях я перепрятала удобрение в самый дальний угол, дабы никто не нашел, и заметалась по ковру.

Самым лучшим вариантом, было покинуть родовое гнездо, пока не стихнет ужас происходящего, посему я схватила соломенную сумку, где у меня лежал всякий хлам, в виде фантиков от помадок, вывалившихся семян, книги Эдерики Нейл, всякой ненужной всячины и осторожно вышла из покоев.

В нос сразу же ударил аромат успокоительных настоек. Валерьяна и пустырник, так и витали в воздухе, вызывая желание почесать нос. Недалеко от подъездной дорожки, я углядела одного из наших возниц и махнула ему, чтобы подъехал ближе.

– Торопитесь?

Голос за спиной заставил меня вздрогнуть.

– Вы напугали меня, господин Редвил, – холодные ноты в моем тоне, могли заморозить напыщенного хлыща. Сегодня у меня не было настроения разыгрывать перед ним добродушие и желание общаться без остановки.

– Не думал, что вы настолько пугливы. По вам не скажешь.

Я ухмыльнулась, вглядываясь в лицо. Голубые глаза обрамляли еле заметные морщинки. Редвилу, по моим прогнозам, было около тридцати лет.

Он тоже вгляделся в меня, непринужденно оглядывая неприметный взор и спасибо, не начал считать вслух, конопатины на моем носу и щеках.

– Интересные у вас глаза, госпожа Стейдж.

Я тут же напряглась, ожидая какой-нибудь бестолковой реплики, подправленной нотками сарказма.

– Серый туман и голубое небо.

Если этот мужчина хотел меня смутить, у него получилось. Я непроизвольно взглянула на приоткрытый рот Адама и сглотнула. Ненормальная, совершенно нерациональная мысль так и мечтала проникнуть в мою голову. Я сдержала ее усилием воли.

– У нас в семействе, все имеют некие отличительные особенности, – выдала я умную мысль, посчитав ее бредом сразу же.

На невозмутимом (обычно), лице Редвила расцвело что-то наподобие улыбки.

– Да, я успел заметить, что вы очень разные. Как, кстати, прошло ваше утро с главным молельщиком?

Адам сложил руки на груди, изображая скучающий вид.

– Очень духовно! Жаль, что вы не пожелали присоединиться, чтобы углубленно поговорить о грехе и распущенности.

– Не хотел мешать вам, да и событие потом, мягко сказать, удивило.

Я слегка откашлялась.

– В доме Стейдж и не такой может быть, господин Редвил. Будьте осторожны. Это предупреждение.

Не став желать хорошего дня, я уселась в экипаж, решив и правда, переждать бурю на расстоянии. Пока вытащат баклажан, приведут покои тетки в порядок и саму Агнесс, нужно отсидеться в другом месте.

Разглядывая поля и серебрящуюся полоску реки, которая разделала земли Аквии и Терры, я несколько раз вернулась к мыслям об Адаме Редвиле.

Он был мерзким, заносчивым зазнайкой, которого хотелось проучить. Всегда ненавидела таких умников. Но с другой стороны, его чувственные губы (о боги), манили как магнит.

Это пугало.

Я пришла к выводу, что я перечитала книг Эдерики Нейл и моя тайная, сокрытая и полная греха часть, стала нагло вылазить. Может, послушать тетку и начать молиться?

От этой мысли я поморщилась. Нет уж. Я просто мечтаю о Винсенте Тотале и проецирую его на других.

За своими разошедшимися мыслями, я не заметила как въехала в Террон. Земли артефакта земли, встретили утонченным ароматом плодовых.

Террон славился своими грушами. Сочные плоды, свисали с деревьев или лежали в траве.

Террон, небольшой городок, граничил со столицей Терры – Тарой, большим городом, многолюдным и застроенным.

Здесь же, по очень узким улочкам в ряды стояли похожие друг на друга двухэтажные дома с миниатюрными садами, где росли плодовые деревья.

В одном из таких домов, теплого янтарного оттенка, проживала моя подруга Кира. Девушкой она была необычной и немного странной.

С Кирой мы были схожи взглядами на жизнь, имели общие интересы по книгам, являлись любопытными натурами и по-своему, амбициозными.

Подругу я нашла с торца дома в подвале, где находилась ее гончарное царство.

Осторожно спустившись по крутым неровным ступеням, я оказалась внутри и сразу же увидела девушку.

Ее черные как смола волосы, были обвязаны грязной косынкой. Сверху платья, оттенка одуванчиков, висел здоровенный прорезиненный фартук, весь заляпанный глиной и красками.

Под слоем пыли, покрывающей все лицо Киры, можно было разглядеть охрово-зеленые глаза, смуглую кожу и что говорить, красивую внешность. Девушкой она была выразительной и привлекательной, просто не желала это приукрашивать.

– Вивьен, – взгляд метнулся в мою сторону, буквально на секунду, а потом вернулся к крутящемуся кругу. – Я думала, ты сгнула в крае вечного дубака. Прости, не могу тебя обнять, все руки в глине. Хочешь сбитня?

Отказываться я не собиралась. Для последнего теплого месяца, жара стояла невыносимая. Тем более в Терроне. Я плеснула себе из глиняного бидона густой напиток, пахнущий медом и полевыми цветами, и с удовольствием сделала глоток, ощутив прохладу.

– Я вернулась, но не знаю где лучше. В ледяном аду или в особняке, где живу со своей прекрасной родней.

Коротко поделившись своими душевными излияниями с подругой, я наконец осела на табурете, разглядывая в сотый раз ее мастерскую.

Стены были расписаны красками. На бесконечных стеллажах красовались тарелки, чашки, посуда и, конечно же, горшки.

– Мне нужен горшок. Вместительный.

– Ночной? – вопрос прозвучал без толики шутки. Я вздохнула.

– Если только бабке Аманде, хотя, предполагаю, что за все эти годы она научилась пользоваться современным отхожим местом. – Кира осторожно убрала со стенки кувшина лишнюю глину и удобно расставив ноги, выключила круг чтобы немного отдохнуть. Смахнув испарину со лба и тут же прочертив себе на коже коричневую дорожку, подруга обратила на меня свое полное внимание.

– Для Агнесс. Хочу сделать двойное дарение. Красивый горшок с крышкой для хранения сушеного ладана, коим она окурирует свои покои и милого питомца.

– Какие-то несопоставимые друг с другом дарения. Подари ей сборник песнопений богам. Она будет не разочарована.

Я закатила глаза.

– Очаровывать я ее не собираюсь. Хочу в горшок посадить кутью, которая уже ожидает у заводчицы. Пытаюсь разбудить ее сердце милым созданием. Иначе, Агнесс скоро сживет меня со свету со своими склонностями к высокой нравственности.

– Прости, но твою тетку исправит только могила.

Кира была права.

– Я всего лишь хочу, чтобы она отстала от меня, – закинув ногу на ногу, я пригубила напиток. Я не очень любила густой сбитень, но этот был неплох. Не сильно сладкий и терпкий. – Кстати, у тебя нет идей, какими знаками ее можно направить на обмен брачными чашами?

Кира посмотрела на меня как не на совсем нормальную.

– Мне кажется, это бесполезная трата времени. И в любом случае, она поймет, что с ней ведется игра.

– Агнесс не настолько дальновидна. Знаешь что, Кира? Вместо того чтобы помочь, ты наступаешь на горло моему рвению насолить тетке, которая являлась инициатором отправки меня в Ванн.

Кира, насупившись, задумалась.

– Подлей ей возбуждающей настойки. Пусть она обеспокоится своим странным состоянием и некоторое время не будет тебя допекать.

На моем лице растеклась широкая ухмылка.

– Я так и знала, что ты можешь подкинуть интересную идею. Тема с настойками воодушевила меня, – прищурившись, я припомнила Адама Редвила. Может и ему стоит плеснуть пару капель какой-нибудь дряни, чтобы он натворил какую-нибудь ерунду и с позором вернулся в столицу? – Не желаешь ли перекусить в городе? Я вышла из дома не позавтракав.

– Матушка приготовила овощные крокеты.

Я тут же поморщилась, моментально вспомнив, как стряпает леди Вазора. Если нуждался в чистке всех органов пищеварения, можно было угоститься едой этой женщины, захлебнуться в неизмеримом количестве жира и масла и потом умирать три дня.

– Хочется свежего салата в одной из ваших таверн.

Я улыбнулась подруге и та сдалась.

– Ну хорошо, – вздохнула Кира, сняв свой фартук и повесив его на ржавый крючок, – есть час до встречи с заказчиком. У меня был большой заказ на аутентичный набор горшков для запекания на шесть персон из самой столицы. Я становлюсь известной.

– О, это чудесная новость! Как раз отметим это поздней трапезой.

Кира согласно кивнула и пока я ожидала ее, разглядывая бока гончарных изделий, выбирая самый удобный для дарения кутьи, подруга появилась очень быстро, переодевшись в незаметное платье цвета горячего шоколада. Стерев с лица пыль и собрав волосы в незамысловатый пучок, девушка махнула мне, чтобы я поторопилась.

Мы достаточно стремительно вышли в город, схватившись под руки.

Грушевый аромат щекотал нос, а еле заметный ветерок раздувал волосы.

Пройдя монумент с изображением артефакта земли, мы устремились в таверну «Пашня старика», где всегда чудесно кормили и было просто чудесно посидеть на деревянных стульях с пухлыми подушками для мягкости.

Внутри оказалось почти пусто. Только правее от нас жевало за обе щеки трио террийцев, проводивших нас заинтересованными взглядами.

Я кинула в них уничтожающим взором, подавив вздох.

Не успели мы осесть своими пятками на стулья, как к нам подошел хозяин заведения с кучерявой каштановой копной волос и до невозможности гладкими усами, ниспадающими на верхнюю губу. Я тут же отметила про себя, что трапезничать с такими явно неудобно. Они будут постоянно мокрыми и лезть в рот.

– Госпожи, добро пожаловать!

Улыбка хозяина притаилась где-то за усами.

– Добрый день, господин Октавиус, – кивнула Кира. – Похлебка есть?

– Овощная с плавленым сыром. Пальчики оближите! Принесу вам.

– И салат из свежих овощей, будьте любезны.

Октавиус кивнул.

– Из напитков есть чудесный взвар из крыжовника и грушевый сидр.

Я выбрала последний, почему-то подумав, что от крыжовника у меня раздует живот, а мне нужно было еще возвращаться домой.

Сложив руки перед собой, я вздохнула, начиная нервничать, так как трио шептались, посмеиваясь. Их ухмылки были направлены в нашу сторону. Спокойная Кира не обращала на них внимания, явно думая о глине и своих кувшинах.

– Дед пригласил к нам в дом гостя, некоего господина Редвила, мнящего из себя невесть что. Они будут вместе вести дела по вайни и плодовым. – Я прищурилась. – Жизнь в особняке стала невыносимой.

Октавиус, как раз принес нам напитки и Кира сделав глоток сидра, с наслаждением причмокнула.

– Он красив?

– Неплох, – еле выдавила я из себя. – Привлекателен и молод.

– Тебе он понравился как мужчина?

Я слотнула, мигом вспомнив Адама в наполовину расстегнутой рубашке накануне вечером.

– Нисколько! Ты знаешь, мне нравится Винсент. Я не смогла его забыть. Он самый красивый молодой человек на всем белом свете.

Октавиус принес нам похлебку. Насыщенный аромат сыра ударил в нос, как и горячий пар.

Я с жадностью откусила кусок хлеба, напрочь позабыв про манеры.

– Мне кажется, твои чувства к Винсенту несерьезны, да и он напоминает мне красивую обертку от невкусной конфеты.

– Ты говоришь как Агнесс, Кира, – я моментально озлобилась, с жадностью прожевав кусок хлеба, – мне нравится этот молодой человек.

– Ты испытываешь к нему влечение и желаешь большего?

Прямолинейность подруги, меня порой выводила из себя. Мы аквийцы, не были столь откровенными. Любили завуалированные фразы.

– Думаю, мне могло бы это понравиться.

– А с этим Адамом? – Кира аккуратно засунула ложку с супом в рот, медленно прожевывая кусочки плавленого сыра, – знаешь, от ненависти до любви один шаг. Так написано во многих книгах.

Я поморщилась, быстро прожевав кусочек картошки из похлебки.

– Эти люди, которые так говорят, сами не знают что несут. Я не верю в эту чушь. Мне нравится Винсент. Не зря я расписала его именем свой дневник. Это что-то значит.

Сбоку раздался смех, начинающий меня раздражать. Я гневно повернулась к молодым людям. Один сидел с красным лицом и прятал взгляд.

– Простите, вы что-то хотели? – вопрос, как меткая стрела моментально достиг цели. Кира закатила глаза, зная мой заносчивый нрав и мстительную натуру.

– От вас нет, – ответил самый смелый. Темно-русая шевелюра была зализана на правый бок, маленькие глаза и острый кончик носа, мне сразу не понравились.

– А мне показалось, что все ваши смешки были устремлены в нашу сторону. Вас не учили, как правильно вести себя с дамами в общественных местах?

Другой товарищ ухмыльнулся, оголяя желтоватые зубы.

– С дамами, как раз учили, – ответил остроносый.

– Это что за намеки? – я прищурилась, еще больше злясь. Ей-богу, настроение итак было не ахти какое, так еще и эти насмехались. – Вы обсуждали нас и думали, что я это проглочу?

Молодой человек с желтыми зубами, явно самый борзый, поддался вперед, задирая подбородок.

– Да кому вы нужны!

Кира кашлянула. Явно начинала заводиться. Подруга не любила церемониться, если что-то ее касалось напрямую.

– Хотелось бы этот вопрос задать как встречный. Уж простите за честность, но вы тоже нестоличные красавцы!

Остроносый позеленел. Я обратила внимание на его длинные некрасивые пальцы.

– Не убраться ли тебе в ваши земли?

Я хмыкнула.

– Вообще-то, мы как бы едины, несмотря на разделение артефактов.

– Заткнулись все, – неожиданно рывкнула Кира. Голос был звучный и стальной. – Я пришла сюда нормально поесть, а не слушать эти перепалки. – Ты, – показала девушка на остроносого, – сел и молча уткнулся в тарелку, и чтобы я слышала только как ты ешь. Ясно?

В таверне наступила гробовая тишина. Парни замерли, и я вместе с ними.

Я знала Киру. Она была прекрасной боевой подругой, перед голосом которой все обычно робели.

Оставшаяся трапеза прошла молча.

Забрав горшок с крышкой и окантовкой из синих узоров, я поехала в особняк Стейдж, предварительно решив заскочить в лекарскую лавку. Идея Киры показалась мне забористой. Я уже представила Агнесс, рвушей на себе полное нравственности платье.

Лекарская лавка располагалась под увесистым кленом с синими листьями.

Состряпав самое милое лицо из возможных, я остановилась возле лекаря с пепельными длинными волосами и голубом халате. Вся моя поза выражала участие и волнение. Чтобы полностью вписаться в образ, я стала теревить свои пальцы.

– Господин, мне нужна помощь в очень щекотливом вопросе.

Мужчина с аквамаринowymi глазами весь поддался вперед, готовый внимать мою историю с полным погружением. Я сделала вдох, сразу же вобрав в себя ароматы настоек и капель.

– Мой дедушка, скажем деликатно, находится в очень непростой ситуации. Я вижу его переживания. Он еще очень бодрый и резвый мужчина с задатками на хорошую активную жизнь.

Лекарь, внемля моей речи, застыл, пытаясь понять суть.

– В спальных делах он терпит фиаско по причине мужского бессилия. Вы могли бы дать настойку, которая бы разбудила его возможности?

– Вы так заботитесь о своем родственнике? Похвально!

Я монотонно закивала.

– Если в семье кому-то плохо – значит, всем плохо, а здесь страдают двое, бабуля и дедуля.

Мужчина кивнул и ловко развернувшись, остановился возле высокого шкафа с полками, где абсолютно все было заставлено пузырьками, стоявшими вразнобой.

Лекарь выудил миниатюрный пузырек с черной этикеткой.

– Эти капли очень сильные. В них содержится трава виagriума.

На этикетке мелкими буквами отчетливо читалось название – «Страстная горячка».

Кто же придумывает такие названия?

– Три капли в любой напиток или воду. Через полчаса наступит эффект.

– Вы так мне помогли, – я трепетно вздохнула, расплачиваясь за покупку, пока лекарь шустро поковал мне средство для тетки в бумажный пакет.

Полная энтузиазма и желания, я выскочила из лавки и пройдя по тенистой аллее, столкнулась нос к носу с человеком, от которого вскачь забилося мое сердце.

– Господин Тотал? Какая неожиданная встреча!

Я сдержанно улыбнулась, моментально покраснев. Вглядываясь в красивый лик парня, я уловила своим не стопроцентным зрением, что Винсент подобрался и настороженно на меня взглянул.

Оправив жилет, он замер, а я только сейчас увидела, что он держал в руках букет белых фрезий.

– Вивьен Стейдж слышал, вы были в отъезде?

Винсент сделал шаг назад или мне это показалось?

Я так разволновалась, что забыла аквийский язык и некоторое время молчала, не в силах справиться с переживаниями.

– Да, провела восхитительное время в землях Ванн за физическим трудом.

Парень как-то странно на меня покосился, пытаюсь найти во мне задатки разума. Я вдруг подумала ни с того, ни с сего, что выгляжу несолидно. Платье цвета кукурузы, кучерявая копна волос и непослушная вьющаяся челка, явно не могли привлечь внимание. Но меня вдруг осенило.

Ведь Эдерика Нейл писала, что внешность не важна. Главное – смелость, внутренняя страсть и пыл, готовый сломать любые преграды на пути к цели.

Расправив грудь, я сделала к молодому человеку шаг вперед.

– Как вы? Не желаете ли прогуляться? – решила я взять каюна за рога. – Можно насладиться хорошей погодой вместе.

Винсент немного покраснел. То ли от волнения, вызванного моим предложением, то ли от вспышки ярости. Мне не хотелось думать о последнем.

Молодой человек казался до смазливости прекрасным. Им можно было любоваться как божеством. Ровные красивые скулы, щеки с ямочками, прямой аккуратный нос, не смотрящийся центром вселенной и манящие губы.

Если я была бы героиней Эдерики Нейл, то давно бы дала понять Винсенту кто здесь главный, но прошитые в венах манеры Аквии, не давали этого сделать. Тем более я считала что задатки адекватности у меня все-таки присутствуют.

– Прошу меня простить Вивьен, но я не могу принять ваше предложение. Тороплюсь.

– Торопитесь, значит, – моих сомкнутых губ, коснулось подобие улыбки, – жаль, может быть тогда в другой раз?

В глазах молодого человека пробежала тень. Поза стала враждебной. Я заметила, как он крепко сжал букет. Возможно представил, как хлещет меня им по лицу, чтобы я угомонилась.

– Вивьен, я хочу чтобы вы поняли, – очень медленно начал Тотал, отделяя слова друг от друга, будто разжевывал их, – между нами ничего быть не может. Я нахожусь в периоде тесного знакомства с одной дамой. Нашему сближению благоговеют наши семьи. Возможно, в скором времени мы пройдем церемонию обмена брачными чашами.

Мое лицо, наверно, искажилось. Я крепко вцепилась в сверток с настойкой, почувствовав, как предательски громко заурчал живот.

Ох уж этот грушевый сидр!

Образ Винсента немного расплылся. При этом я умудрилась не свалиться без чувств от известия, ударившего меня в солнечное сплетение со всей силой.

Увидев как важно задрал подбородок молодой человек, я поморщилась.

– Рада за вас и удачи, господин Тотал.

Не став дожидаться ответа, долго и нудно прощаться, я рванула к экипажу, ожидавшего меня на улице за углом дома. Живот и правда, разболелся от переживаний.

Я со всего маху хлопнула дверцей дилижанса и потрясенно уставилась на пустую стену впереди.

Меня только что отправили в дальнейшее пешее путешествие.

Винсент Тотал вторично разбил мое сердце и послал с моей любовью куда подальше.

Злые слезы обожгли глаза. Я смахнула их пальцами, вдруг уловив, что под ногтями застряла земля. Я всегда пользовалась перчатками при работе на участках, но видно, грязь как-то умудрилась прорвать оборону, допекая меня до чертиков.

Неужели, сначала влюбляются во внешний образ?

Наверно да, раз я пускала слюни по модельной красоте Винсента, несшего белые цветы какой-то там высокопарной девице, наполненной женственностью и очарованием.

Живот продолжало крутить. Я мысленно подгоняла возницу ехать быстрее.

В особняк Стейдж я влетела как ужаленная и укрылась в своих покоях, обрадовавшись, что никого не встретила на своем пути.

Настроение было ужасным. Казалось, весь мир был виноват в том, что Винсент отказал мне в чувствах. Хотелось успокоить себя мыслями что парень еще будет кусать локти от сожалений, но это была бредовая мысль, которой я сама верила с натяжкой.

Решив добить себя до конца, я встала у зеркала, разглядывая свой серый и непримечательный вид, горько усмехаясь. Со мной решит обменяться брачными чашами только какой-нибудь маменькин сынок или дряхлый дед, которому придется подливать настойку «Страстная горячка», пока он не помрет, перенапрягшись.

Нет!

Я покачала головой. Дело всей моей жизни – огороды и плантации. Раз не уродилась красавицей для брачных историй, ну и не надо.

Мне хотелось в этот вечер побыть одной, пострадать вдоволь, но Бенедикта сказала, что господин Стейдж ожидал всех на традиционную вечернюю трапезу.

Я хотела сказатьсь болезной, но передумала. Начались бы приходы лекарей, оханья возле кровати и проверка на ложь.

На трапезу я пришла с молчаливой миной, поздоровавшись с дедом и кивнув всем остальным, коих было меньшинство.

Агнесс переехала в другие покои после неожиданной встречи с баклажаном. Свободные комнаты у нас были только в восточном крыле, как раз там, где поселили Адама.

Отец молчаливо ковырял соленую рыбу в тарелке, находясь в своем мире и не обращая ни на кого внимание. Решив поддаться его примеру, я нарочито серьезно пилила куриную печень и запивала ее простой водой, пока остальные цедили вайни из нашей вайнодельни.

– Не любите вайни, госпожа Стейдж? – вдруг уделил мне минутку внимания Редвил. Я даже вздрогнула от неожиданности, пребывая в мыслях, полных отчаянья.

Адам очень педантично накалывал на зубья вилки кусочки рыбы.

– Непереносимость. Становлюсь дурной.

Гордон Стейдж подавил тяжелый вздох. Я сразу же почувствовала на левой щеке его взгляд, прожегший кожу.

– Адам, как ты смотришь на то, чтобы усилить производительность вайни чуть больше? Я замечаю в отчетах, что мы можем увеличить производство в пару раз и предложить нашим партнерам более выгодные ценовые предложения?

Дед ловко сменил тему, дабы отвести внимание от меня и моих манер.

Благодарная Гордону за возможность не вступать в полемику, я уделила все внимание еде, пока Адам разглагольствовал своим спокойным грудным баритоном, делясь умными идеями.

Мы непроизвольно переглянулись с отцом, подумав одинаково о том, что чувствуем себя двумя идиотами среди этих одаренных изречениями людей.

– Энрике?

От неожиданного выразительного голоса, даже я вздрогнула, чуть не поперхнувшись водой.

За моей спиной материализовалась Аманда.

Гордон Стейдж замер, как вкопанный в землю столб.

Нахмутив брови, я повернулась.

Моя чокнутая прабабка вырядилась в открытое декольтированное платье, совершенно не аквийской малиновой расцветки. Где она его взяла, оставалось загадкой.

Сверху женщина догадалась прикрыться пушистой и старой шалью, с проеденными мулью дырками.

– Энрике, ну наконец-то, милый мой!

Через долю секунды, прабабка как марафонец бросилась к Адаму Редвилу, распахнув объятия.

Глава 6

Было хорошим решением пойти на ужин, чтобы увидеть окаменелое лицо всезнайки Адама, когда Аманда, включив все свое безумие, бросилась в объятия молодого мужчины.

Тот, не зная как реагировать (явно не привык к проявлению таких ярких чувств), застыл на месте, пока голова прабабки не уперлась в белую рубаху и не оставила там след красной мазилки от намалеванных губ.

Благо Гордон Стейдж, умеющий быстро овладевать своими эмоциями, решил ситуацию. Помощница Аманды вывела женщину и уложила в кровать, снабдив хорошей порцией успокоительных капель.

Я напряглась, переживая за мой план с днем воплощения Агнесс. Если старуха сейчас ляжет с очередным приступом душевной болезни, будет плохо. Я уже планировала устроить увеселение, которое не оставит равнодушным никого.

Решив не отступать от плана, я улеглась в постель, но сон не шел. Я не ожидала, что ответ Винсента Тотала так съездит по моему самолюбию.

Рано утром позавтракав в покоях кашей с лесными ягодами и большой кружкой кавы, я решила что пора действовать.

Дед обычно, с самого утра уезжал в контору, и посему проход в его владения, в виде кабинета, был открыт.

Без позволения, Гордон Суревер Стейдж, не давал входить в его личное пространство. Посему, завязав непослушные волосы в косу, надев любимое клетчатое платье, я взяла горшок с опунцией опиумной, давшей тонкий стебелек, и уверенно вышла из покоев.

Стоял чудесный день. В воздухе витали ароматы лета, старых вещей и пыли, летающей в лучах Суvara.

Не очень хотелось кого-либо встречать, но на моем пути встала Эдмунда.

Сдержанное синие платье облегалo ее полную фигуру, делая менее заметной.

– Ты бы навестила Агнесс, дорогая. Женщина пережила сильное душевное потрясение.

Я тут же закатила глаза.

– Из-за нее я постоянно нахожусь в напряжении. Вот пусть и она теперь помучается.

– Виви, не стоит быть такой жестокой. Твоя тетушка хочет тебе только лучшего, как и все в этом доме.

Самой-то не смешно, от таких изречений?

– Это маловероятно, – покрепче схватив горшок с дарением для деда, я посмотрела на очередной портрет. Основатель рода Стейдж – Аарон, разглядывал всех с полотна, с толикой нездорового безумия. – Хорошо, я навещу ее, обещаю.

– Вот и хорошо, дорогая. А я сделаю тебе твой любимый медовый торт.

– Умеешь ты уговаривать, Эдмунда.

Спустившись по лестнице и ловя тишину дома, я прошла мимо антикварного гостиного зала, где накануне мое терпение испытывал главный молельщик, и обернувшись несколько раз, постучалась в дверь кабинета деда.

Мало ли, вдруг он притаился внутри в ворохе деловых бумаг?

Ответом мне послужила ожидаемая тишина.

Быстро просочившись внутрь и затворив за собой дверь, я оглядела пространство, наполненное духотой и светом. От потухшего камина пахло сгоревшими поленьями, смешиваясь со следом благовоний деда – строгим, мужским, даже каким-то сердитым.

Не желая терять времени, я поставила горшок на дубовый стол. Шкафы манили их открыть, как и ящики. Сначала я полазила в последних, но обнаружила лишь папки и бумаги, сколотые скрепками.

Никакого намека на настой красавки для Аманды.

Переметнувшись на шкафы, я узрела висевшую одежду в одном из них, какие-то статуэтки, старинные монеты, благовония для помещения и тела, успокоительные капли, курительный табак и кое-что интересное.

Рядом с красавкой, которую я умудрилась обнаружить на одной из полок, нашлись пилюли в баночке, где имелась надпись – «против заразной флоры». Здесь же я увидела еще один – «против нежелательных детей».

Эта находка меня очень покорила. Даже глаза на лоб вылезли. Зачем деду эти пилюли? Он что же, где-то распутствует?

Додумать мне не дали голоса, от которых я вздрогнула.

Дед.

Голоса Гордона и этого Редвила неумолимо приближались.

О боги!

Я была в полной уверенности, что они уехали.

Заметавшись по кабинету, как очумелая от страха кутя, я схватила горшок с дарением и не придумав ничего лучше, спряталась в шкафу.

Кое-как затворив за собой дверцу, я затихла в темноте, притаившись за бархатным пиджаком деда.

– Как самочувствие вашей дочери Агнесс, господин Стейдж?

Я услышала, как дуэт расселся в кресла, и закатила глаза.

Неужели они надолго?

– У нее сильные черты характера, скоро она успокоится. Быстрее, чем мы думаем, – попытожил дед, явно не желая касаться тем не совсем приятных. Все его дети всегда расстраивали его. – Как тебе Аквалон?

Они что, пришли сюда раздавать друг другу любезности?

– Я видел его только из окна экипажа. Надеюсь насладиться достопримечательностями.

– Хм, уверен, город не оставит тебя равнодушным. Хочу попросить Вивьен составить тебе компанию, если ты не против?

Я тут же поморщилась. Гордон Стейдж явно издевался надо мной. Что это будет за прогулка, когда оба человека друг друга терпеть не могут?

– Думаю, мы прекрасно проведем время.

Поморщившись, я почесала нос свободной рукой. Что же они от меня не отстанут?

– Моя внучка может показаться наивной молодой дурочкой, но в ней заложен большой потенциал. Она умна, но в силу своего возраста простодушна.

За пиджаком деда я округлила глаза. И похвалил, и унизил. Как мило, Гордон Стейдж.

– Вижу, ваша наследница вошла в возраст обмена брачных чаш? – неожиданно начал разговор Редвил, чем меня очень обеспокоил. Куда он лезет? – У вас кто-то есть на примете?

Я так сильно напряглась, что поддалась вперед. Как назло от пыльного пиджака деда зачесался нос еще больше.

Гордон заполнил неумолимое ожидание паузой, взбесив меня еще больше.

– Задумываюсь по поводу этого вопроса. Вивьен имеет специфичный нрав и черты.

И тут произошло кое-что выходящее за грани моего тихого сиденья в укрытии.

Мой предательский чих разорвал беседу, от которой мне и так стало несладко.

Я застыла в шкафу, с полным ужасом на лице.

Послышались шаги, и когда распахнулись дверцы шкафа, лицо Гордона Стейджа пронзило меня недоумением. За его спиной сразу же кашлянул Адам Редвил.

Благо я умела брать себя в руки молниеносно. На лице расцвело выражение, полное умиления.

– Доброго вам утра, дедуля, – сказала я, выйдя из шкафа, – перепутала дверь. И вам того же, господин Редвил.

Подойдя к подоконнику и источая идеальные манеры, я поставила дарение, слегка покрыв горшок, чтобы свет равномерно попадал на стебли.

– Я подготовила вам дарение, – между делом бросила я через плечо, – семена высаживала сама. Оно добавит вам спокойствия и внутренней гармонии.

Когда я снова повернулась к Гордону, то узрела его желание взять меня за шкирку как кеди и выкинуть за дверь, либо опалить пламенем как суанский дракон.

– Ну, хорошего вам дня, – мазнув взглядом по мужчинам, я деловито кивнула, – пока навешу Агнесс. Как она там, голубушка наша поживает?

Выскочила я из кабинета деда как ужаленная.

Опозорилась!

Ну да ладно!

Дед переживет, а этот Адам после любвеобильности бабки, понял, что здесь у всех не все дома.

Мне вдруг вспомнился разговор. Значит, дед что-то задумал на мой счет. Не ровен час, приведет в дом моего избранника. Как же это было отвратительно!

Можно было даже не ходить к чародеям, чтобы понять что это будет великовозрастный старец, думающий про себя, что еще на что-то горазд.

Пока я шла к Агнесс, в мою голову влетела как белая голубея, здравая мысль, полная пакости.

Решив проникнуть в покои к Адаму Редвилу, я не стала терять драгоценные минуты.

Шустро оглядев пустоту комнаты, в которую тонкими струйками поступал свет как в берлогу, я бросилась к шкафу. Конечно, я не пыталась там отсидеться, лишь позаимствовать вещь на время.

Костюмы Адама расположились внутри с маниакальной аккуратностью. Их было множество и на любой вкус. Складывалось ощущение, что он приехал в особняк Стейдж минимум на год, а не на пару седмиц, чтобы вершить свои дела с дедом.

Осторожно вытащив самый неприметный пиджак оттенка грозового неба, я вышла из покоев, тихо притворив дверь.

Благо ни самого Редвила, ни прислужниц на моем пути не встретилось.

Припрятав пиджак в библиотеке, я обещалась себе за ним вернуться в нужное время.

В комнату Агнесс, я вошла без стука. Тетка проветривала, и посему дверь раскатисто ударилась об косяк, моментально напугав женщину, сидящую возле открытого окна. Она держала в руках здоровенную книгу с пожелтевшими страницами и увидев меня, вцепилась в нее, будто в моем облике углядела что-то демоническое.

– Тетушка, как ваше самочувствие? Я так переживала за вас, что не сомкнула глаз. Вот так невидаль с вами произошла!

Темные глаза женщины почернели еще больше, как и лицо. Недовольно подавив вдох, она задрала подбородок, переключив на меня свое полное внимание.

– Ты можешь говорить что хочешь, но я уверена, без тебя не обошлось. Начудила, а потом выставила все иначе.

– Не кажется ли вам, что не совсем верно во всем винить меня? – я плюхнулась на крайшек жесткой кровати, делая вид, что не вижу в окаменевшем выражении лица женщины крупиц недовольства. – Я увидела в этом божье знамение. Апостолус подтвердил это, тетушка. Вы что же не верите своему наставнику?

Женщина молчала, прожигая на мне дырки своими черными глазами.

– Это бред, и я не хочу это слушать. Оставь меня и займись своими манерами.

Я встала с кровати, придя с женщиной к обоюдному согласию. Мне точно больше нечего было делать. Пока.

– Конечно, я не буду нарушать ваш покой. Понимаю с первого раза, в отличие от некоторых.

Тетка не могла промолчать. Кривая улыбка коснулась ее бледных губ.

– Намедни поговорила с отцом. Господин решил, что тебе стоит подправить свои манеры. «Этический кодекс госпожи» принесут в твою комнату. Тебе будет чем заняться, помимо грядок.

– Спасибо за заботу!

Шустро выбежав из комнаты Агнесс и не желая заходить в свои покои, чтобы более тесно познакомиться с правилами этикета, я решила продолжить обход своей родни и поднявшись на третий этаж, встретила с Амандой.

Женщину я нашла лежащей в своей постели под теплым пуховым одеялом. Выглядела она бледно. На какой-то миг я подумала, что сбылось ее обещание, связанное с кончиной, но это оказалось не так. Мерное дыхание поднимало грудь Аманды.

Досадливо вздохнув, я уже хотела уйти, возмущившись по дороге, что зря выставила себя душой перед дедом и гостем, воруя красавку и выходя из шкафа как из дверного проема, как старуха пошевелилась.

– Как вы, бабуля? – тихим шепотом поинтересовалась я, дабы не нарушать тишину. – Вам лучше?

Женщина несколько секунд смотрела по сторонам, пытаясь понять где она, а потом сосредоточила все свое внимание на моем лице.

– Виви?

Я с радостью вздохнула. Узнала хотя бы!

– Меня опоили?

– Нет, – я погладила по жестким волосам женщины, – дали хорошенько выспаться, не более того. Накануне вы немного перегнули палку.

– Энрике? – Аманда показала на дверь, будто за ней притаился ее отошедший к богам супруг или Адам, в лице которого она узрела реинкарнацию своего благоверного.

– Он... переводит дух в спокойном месте.

– Когда навестит? – женщина схватила меня за руку. Хватка оказалась сильной.

– Думаю, как только отдохнет. Энрике волнует ваше здоровье, бабуля, поэтому он старается не нервировать вас.

Аманда кивнула. Мой вывод показался ей разумным.

– Я принесла вам то, что вы хотели.

– И что это? – вдруг поинтересовалась Аманда, забыв о наших уговорах. Чертыхнувшись про себя, я улыбнулась.

– Настойка красавки. Вы сказали, она помогает вам быть в здравии.

Старушка нахмурила седые брови, слегка причмокнув. В выражении бесцветных глаз скользнуло что-то похожее на понимание.

– Припоминаю нашу беседу, Виви. У мерзавки день воплощения.

Я закивала головой.

– Именно. Мы обсуждали с вами музыкальную паузу от вас и ваших друзей, любителей музыкальных увертюр.

Женщина ловко цапнула из моих рук небольшой пузырек и чуть ли не облизалась. Надеюсь, она не переборщит? Иначе, если все дело станет известным, меня сбегрут в Ванн навсегда и заставят обвязаться брачными нитями с ванницей.

– Эта мерзавка недостойна того, чтобы я тратила на нее свое драгоценное время. Как и Гордон. Никогда их не прошу за своеволие.

– Тогда красавку я заберу, дорогая бабуля. Договор не состоится.

Аманда, вцепившись в пузырек, взглянула на меня крайне недоброжелательно.

– Ладно, всего лишь одна мелодия.

– Поверьте, этого будет достаточно.

Мы переглянулись.

– Покорми моих голубей, а то Тита вечно не докармливает их.

Скрыв раздражение, я вышла на балкон и бросив взгляд на красивые равнины, расстилающиеся передо мной, подошла к двум клеткам, где урчали голубые и белые птицы. Увидев мое приближение, они сначала нахохлились, а потом замерли, изучая.

Бабка любила их и ухаживала с чрезмерной заботой.

Всыпав в совок корм, я насыпала два полных отделения, чтобы птицы наелись до отвала, как и просила Аманда и налив воды в поильники, покинула террасу, с потрескавшейся балюстрадой в нескольких местах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.